

Как вывести ведьмаков

Автор:

[Татьяна Андрианова](#)

Как вывести ведьмаков

Татьяна Андрианова

Хренодерский переполох #3

Боевая тройка ведьмаков приехала в Хренодерки. Явились они по нечистую душу вампира, умудрившегося покинуть замок-тюрьму Сартакль и теперь проживавшего в Безымянном лесу. Хренодерчане, только что пережившие бурную непогоду (самими же и вызванную), в очередной разубедились, что ведьма им не просто нужна, а жизненно необходима, и тут же заподозрили приезжих в желании эту самую ведьму извести. Не допустить этого стало первоочередной задачей всех, включая лешего, который решил закрыть лес от супостатов, но поздно... Просочились вездесущие ведьмаки в Безымянный, рассредоточились по нему в разные стороны. И надо бы их из лесу вывести, пока чего не натворили, но как? Вот в чем вопрос.

Татьяна Андрианова

Как вывести ведьмаков

Пролог

Алишер устало прислонился к стволу могучего дуба. Судя по объёму ствола, исполин рос в Безымянном лесу не одну сотню лет. Если бы кто-то сказал, что дуб справил свое тысячелетие, ведьмак ничуть бы не удивился.

Ему до дрожи в коленях хотелось сползти вниз по шершавой коре и дать хотя бы короткий отдых натруженным ногам, но Алишер диким усилием воли не позволил себе расслабиться. Знал: стоит присесть хотя бы на минуту – и уже не сможет подняться на ноги вновь. Оно, конечно, неплохо бы поспать, тем более смежить веки хотелось до рези в глазах. Но ведьмак печенкой чуял – Безымянный лес затаился в ожидании, пока пришелец расслабится, чтобы заботливо помочь ему кануть в небытие.

Безымянный лес имел заслуженную репутацию мрачного негостеприимного места, куда не так уж просто попасть (учитывая тот факт, что придется ехать в непроходимую глухомань в самом отдаленном уголке Рансильвании), но еще сложнее из него выйти целым и хотя бы относительно невредимым. На это способны только местные, а ведьмак местным не был.

Алишер с усилием перевел дух, вспоминая, как несколько дней назад во главе боевой тройки ведьмаков въехал в деревеньку со странным названием Хренодерки. С самого начала задания, неожиданно полученного от главы совета магов Нилрема, судьба кормила ведьмаков неприятностями дозированно, но щедро.

В целом Хренодерки вполне отвечали представлениям столичных жителей о глубокой провинции. Каменных домов не было, улицы не только не мостились, но даже деревянный настил отсутствовал, и после недавнего ливня грязь стояла непролазная. Ведьмаки быстро отловили местного мальчишку, торжественно назначили его проводником и, посулив небольшую мзду в виде половинки медной монетки, попросили проводить к дому головы. С этим особых проблем не возникло. Высокий рубленый дом головы щеголял резными ставнями и следами недавнего пожара. Прямо посередине двора зачем-то вырыли огромную яму, в которой грязно блестела дождевая вода. То тут, то там лежали штабеля хрена, чьи могучие корни ведьмаки сначала ошибочно приняли за бревнышки, но нос еще никого не подводил – это был именно хрен. Неподалеку виднелись обгорелые развалины надворных построек. То, что раньше было сараем, представляло собой кучу головешек.

– А ребята неплохо погуляли, – хрипло молвил Риттер, оценив размах царившего вокруг погрома, и улыбнулся, отчего шрам, змеившийся через всю щеку, выделился еще отчетливее.

Из будки деловито вылез здоровенный кобель и исполнил свой долг, грозно облаяв пришельцев. Сильно, правда, не усердствовал, чтобы видели: ничего личного – должность у него такая.

Ведьмаки не обиделись (по роду службы встречали они приемы и похуже), спешили, бросив поводья на шею лошадей. Знали: приученные к хозяевам кони не бросят, не уйдут далеко, а если увлекутся свежей зеленью, то сразу вернуться, услышав призывный свист.

Голова Хренодерок, могучий мужчина с роскошными усами, облаченный в чистую косоворотку, внушительно восседал во главе накрытого к завтраку стола. Три дочери споро подавали кое-что по мелочи. Помимо семейства здесь же неожиданно обнаружили пропавший (со слов главы совета магов Нилрема) боевой маг Флоднег, его нескладный ученик Намурас, магистр Вешил, знакомый ведьмаку Миксаму, и еще один маг полуэльфийской наружности. Ассортимент для провинции столь же большой, сколь и необычный.

Если до этого момента для тройки ведьмаков все складывалось вполне удачно, то далее все пошло наперекосяк, будто сглазил кто. Появилась хозяйка дома и обрадовалась пришедшим так, словно сама лично давно зазывала их в гости, а они все не шли. Ведьмаки немного удивились подобному радушию, обычно их особо не жаловали, но напрягаться не стали. А зря. Сначала куда-то убежала старшая дочка головы. За ней журавлиным клином потянулись маги и ученик. Голова же весь завтрак провел так, словно второпях сел на ежа, и опрометью выскочил из-за стола, лишь только представился случай. Памятуя, как все, кто был в доме, быстро исчезли в неизвестном направлении, Алишер успел заступить дорогу хозяину дома и, невзирая на грозное сопение мужчины, с милой улыбкой на лице любезно попросил провести тройку к местному жрецу. Голова окинул взглядом ведьмака, затаятого в черную, местами оцетинившуюся серебряными шипами кожу. Прикинул шансы в кулачном бою, понял, что проиграет, даже только подумав об этом (да и связываться с ведьмаками – себе дороже), потому коротко кивнул и повел.

Правда, сам голова до нужного места так и не дошел. Ткнул указующим перстом в сторону изрядно обветшавшей маковки храма и с чувством выполненного долга исчез в гостеприимных дверях местного кабака.

– А запасы нам тоже неплохо бы пополнить, – многозначительно хмыкнул Миксам (третий в тройке), чьи белые волосы трепал весенний ветер.

Миксам родился альбиносом. Все в его семье достигали высоких ступеней в изучении магического искусства, и родные не пожелали терпеть практически лишнего магического дара ребенка. Они решили избавиться от нежеланного отпрыска, отдав его слуге. Слуга, не особо раздумывая, подбросил мальчишку как беспородного щенка к чужим дверям – к воротам замка, где обучали будущих ведьмаков. Миксам благополучно пережил трансформацию и даже обнаружил в себе дар в распознавании магии, что при его роде занятий было не лишним.

– Ценю твою наблюдательность, но для запасов еще не время. Сначала к жрецу, – жестко отрезал Алишер, который в глубине души и сам не очень-то рвался повидать служителя Всевышнего.

Так сложилось, что жрецы не жаловали магов вообще, а ведьмаков считали мерзостью, зря топчущей землю, и в лучшем случае призывали паству гнать противных Всевышнему существ взащей. Алишер не стал бы испытывать судьбу, если бы не святая вода, которую желательно получить из рук служителя, так как предстояла охота на настоящего вампира. При истреблении обычной нежити ведьмакам благословение жрецов нужно как мертвому припарка, но в этом конкретном случае дело предстояло иметь с видом, считавшимся давно истребленным, а потому на что вампир способен, заранее известно не было. Тем более что он умудрился благополучно сбежать из замка-тюрьмы Сартакля, а такое за время существования хорошо укрепленного узилища случилось впервые. На поиски беглеца был отправлен боевой маг Флоднег в компании вервольфа Лютого и бесследно сгинул в чаще Безымянного леса. По крайней мере, так считали, пока Алишер не приехал в Хренодерки и не встретил мага за столом головы, немного похудевшего, но живого и даже в компании ученика.

К удивлению Алишера, храм стоял не только пустой, но и закрытый. Судя по всему, у Всевышнего сегодня был выходной. Ничуть не смущенный этим обстоятельством, Риттер спешил и принялся стучать в дверь. Чуть не снес своим мощным энтузиазмом створы, но привлек внимание только матерого кошака, который вынырнул из дупла ближайшего дуба и нагло воззрился на ведьмаков.

– Забавно. Никого нет, – констатировал факт Риттер.

– А ты во-о-он в ту дверку постучи. Наверняка там жрец и обитает, – ткнул пальцем в перчатке более догадливый Миксам в дверь скромного жилища жреца Гонория.

Риттер спорить не стал и перенес свое внимание на другое изделие местного плотника. Результат не заставил себя ждать. Дверь распахнулась, и оттуда неприветливо выглянула русоволосая девица, недобро сощурилась и недовольно поинтересовалась:

– Чего стучим, рожа твоя бандитская? Чего добрых людей зря беспокоим?

– И тебе здравствовать, красавица! – жизнерадостно поздоровался ведьмак, не приученный воевать с женщинами. Если, конечно, нужда не заставит.

Прислужница жреца от неожиданной вежливости слегка оторопела и даже порозовела от удовольствия.

– Ладно. Раз все равно не сплю, не гнать же вас, не выслушав, – смилостивилась она. – Рассказывайте, зачем пришли. Только... жрец того... ушел куда-то. Вот, записку оставил. – В доказательство своих слов Марыська (а это была именно она) помахала перед носом Риттера клочком бумаги. – Меня хоть и учили грамоте, только почерк жреца больно неразборчив, буквы друг на дружку набегают да цепляются не пойми где – не разберу я, что тут написано.

То, что девица беззастенчиво врала, Риттер понял сразу по хитрому выражению ее лица и не менее хитрым, бегающим глазам. Убедился он в верности своей догадки, как только получил бумажку в руки. Почерк у жреца был на диво разборчив, по-детски крупные буквы не понять мог только слепой. Впрочем, Риттер раз пять прочел содержание записки, не веря собственным глазам. Несколько раз сморгнул, но слова от этого не изменились.

– Что-то не так? – поинтересовался Алишер, которому быстро надоело наблюдать, как ведьмак с удивленным видом тарашится на текст, будто поднял с земли палку, а она на него зашипела.

– Да все не так, – хмыкнул Риттер. – Все это село – просто какое-то сборище язычников, еретиков и мракобесов.

– Сам ты бес! – возмущенно фыркнула Марыська, выцарапала из пальцев Риттера записку и с чувством хлопнула дверь, чуть не приложив замешкавшегося приезжего по лбу.

– Откуда такие выводы? – тут же спросил Миксам, которого живо интересовали все магические проявления нежити. Он бережно хранил в памяти множество различных отпечатков магического фона и мог с легкостью распознать не менее двадцати видов нежити даже по остаточному следу недельной давности.

– Ты когда-нибудь видел слугителя Всевышнего, который добровольно отправляется к ведьме, причем не во главе разъяренной толпы фанатиков с факелами с целью предать окаянную очистительному огню, а просто за лекарством от кашля? Не удивлюсь, если окажется, что никакого жреца здесь нет, а сами сельчане дружно поклоняются какому-нибудь каменному идолу на древнем капище. Да и прислужница эта доверия не вызывает. Видел, какие у нее глаза? Как у кошки мартовской! А на шее – красные отметины, явно ухажером оставленные. Разве может такая при храме проживать? При кабаке – еще куда ни шло.

Алишер задумчиво оглядел закрытый храм. М-да. Ставни покосились, обиталище Всевышнего порядком обветшало, но вовсе не выглядело заброшенным. Видал он храмы и в худшем состоянии, где крыша держалась на честном слове, и то данном каким-то вруном, на чердаке гнездились совы, а на окнах, словно рваные занавески, висела пыльная паутина. Но отсутствие жреца, да еще по столь надуманной причине, немного напрягало. Слишком уж походило все на некий миф о диковинном чудовище, о котором слышало все местное население, а из приезжих не видел никто.

– Неисповедимы дела Всевышнего, – философски изрек Алишер и тронул вороного пятками, посылая вперед.

Конь за долгое время успел так привыкнуть к хозяину, что понимал его не только с полуслова, но и с полужеста. Породистое животное сделало несколько хлюпающих шагов по местной грязи, отличавшейся от болота только отсутствием трясины и мха (кто знает, может, топь и была, только пока ведьмакам не встретилась), и размашисто ударило подкованной передней ногой в заботливо закрытую селянкой дверь. Доски вздрогнули, но выдержали.

– Эй, вы!!! – возмутилась Марыська, но открывать дверь благоразумно не стала. Мало ли что могут учудить непонятные пришельцы. – Я сейчас кричать стану! Соседи быстро кобеля спустят.

– Пусть спускают, – обрадовался Алишер. – Его впрок и заготовим.

За дверью впали в нерешительность. Видно, собаки было жаль, а может, просто Марыська не сочла соседского кобеля продуктом, подходящим для снабжения ведьмаков в дорогу.

– И чё вы не угомонитесь, ироды? Чем к беззащитной девушке приставать, ехали бы своей дорогой, господа хорошие, – желчно предложила Марыська.

– Да мы бы с превеликим удовольствием, – хмыкнул Алишер, который действительно был не прочь убраться из странного села раньше, чем заразится местными странностями, а в том, что народ вокруг странный, он уверялся с каждой секундой, проведенной здесь. – Но, как оказалось, нам срочно нужно посетить вашу ведьму. Не будешь ли так любезна указать ее дом? Вероятно, он где-то на окраине села?

– Не-э-эт, – злорадно сообщила служанка. – Наша ведьма не в селе проживает, а в самом Безымянном лесу. А зачем она вам понадобилась?

– Да так, в гости зайдем, – неопределенно фыркнул Алишер, который, с одной стороны, вовсе не собирался отчитываться в своих действиях, а с другой – понял, что проводника нужно искать прямо сейчас, иначе до Безымянного леса за неделю не доберутся, а уж найти там жреца тем более не смогут.

– Эй-эй-эй! – Дверь неожиданно распахнулась, и на порог выскочила Марыська. – Даже не думайте!

– Это еще почему? – тут же заинтересовался Риттер, чей шрам настойчиво зачесался от дурного предчувствия.

– Она же ведьма... проклясть может. – Селянка сделала заковыристый знак пальцами и ткнула прямо в доверчивую морду вороного Алишера, заставив бывалого коня шарахнуться в сторону.

Впрочем, конь тут же выправился и клацнул с досады зубами в сторону зарвавшейся Марыськи, чем ничуть не впечатлил наглую девицу. Проживая по соседству с Безымянным лесом, она видывала зубы и покрупнее, не говоря уже о клыках.

– Не проклянет, – скептически фыркнул Миксам, чей большой опыт общения с ведьмами всех мастей со всех волостей говорил: самое большое, чем грозит встреча с этой братией, – аллергия на непомерное количество удивительно вонючих трав, которые сельские шарлатанки имеют обыкновение кидать в огонь для антуража. – Мы ее сами проклянем до седьмого колена.

Краски так быстро покинули лицо селянки, что Алишер искренне испугался за ее здоровье. Грохнет девица в обморок, кто тогда поведет их в Безымянный лес к местной ведьме? Эдак и впрямь придется жреца дожидаться на пороге его жилища, а потом еще и искать проводника. Чем же закончится встреча с местным служителем Всевышнего, спрогнозировать не мог никто. Скорее всего, станет сыпать проклятиями. Но попробовать все же стоило.

– Эй, ты чего? – осторожно поинтересовался Риттер, до дрожи в коленях не переносивший как женских слез, так и обмороков.

Но, к его удивлению, девица вовсе не думала малодушно забываться в благословенном беспамятстве, а шумно набрала в легкие воздуха, словно полковой горнист перед игрой сигнала атаки, и заорала благим матом:

– Люди добрые!!! Что же это делается?! Хулиганы единственной ведьмы лишают.

Такого удара по барабанным перепонкам ведьмаки не получали даже от баньши на пике ее физической формы.

– Стоп-стоп-стоп, – попытался образумить Алишер чересчур эмоциональную селянку.

Он не совсем понял, отчего такая реакция на, казалось бы, стандартный ответ. Обычно к ведьмам селяне относились не просто настороженно, а даже враждебно и часто норовили заглянуть к этим колдуньям в гости на огонек, прихватив с собой вилы и сам огонек, наверное, чтобы не быть хозяйке особенно

в тягость. Поэтому если бросить невзначай в какой-нибудь кабачке фразу о том, что собираешься навестить шарлатанку, можно обеспечить стойкое внимание противоположного пола к своей персоне и уважительное перешептывание. А пообещав устроить зловредной ведьме пару незатейливых пакостей, ведьмак смело может рассчитывать на кружку пенного за счет заведения.

«Все-таки эти хренодерчане очень странные, – с тоской подумал Алишер. – Никогда не знаешь, что они выкинут в следующий момент».

Впоследствии Алишер жалел, что не повернул коней в этот момент. А ведь так просто было выехать за околицу, пустить лошадей галопом и умчаться не оглядываясь.

Сейчас дело спас Миксам. Альбинос спешился, тряхнул верещащую на все лады селянку как хорошая хозяйка – пыльный половик и резко рявкнул ей в лицо:

– А ну, прекратить панику!

Надо отдать должное ведьмаку, голос у него был поставлен. Случалось и медведям оторопеть от его рыка, а люди задавали такого знатного драпака, что только пятки сверкали да кусты трещали. Вот и сейчас даже привычные к подобным окрикам лошади вздрогнули и вытянулись во фронт, кося на Миксама лиловыми глазами. Местный кошок испытал такое потрясение, что чуть не упал с дерева, а Марыська удивленно икнула и... наконец-то заткнулась, обрушив на собравшихся благословенную тишину. Некоторое время все стояли как пыльным мешком пришибленные, оглушенные внезапным отсутствием звуков.

– Ну? И зачем надо было так орать? – строго поинтересовался Миксам у оторопевшей и безвольно обвисшей в его руках селянки.

Она потрясенно моргнула огромными как блюдца глазами, которые подозрительно быстро стали наливаться слезами.

– Так вы же того... ведьму нашу проклясть собрались, – пожаловалась она и шмыгнула носом.

– Надо же... я не оглох, – удивленно констатировал Риттер. – Селянка, а тебя реально волнует только самочувствие ведьмы? Она же – как там говорят жрецы? – зело зловредная особа, чьи козни и пакости изводят несчастных селян и постоянно грозят им засухой да падежом скота. Между прочим, она нас тоже проклясть может.

В последнее он не особо верил, ибо, по его мнению, ведьма, проживающая в глубинке, ни на что путное в принципе не способна. Если бы она могла хотя бы толком заговаривать погоду, давно перебралась бы куда-нибудь поближе к столице, где ее труд оплачивали бы не только огурцами и помидорами, но и звонкой монетой.

– Так ведь своя же, – жалобно всхлипнула она. – Родная. А вы народ пришлый, вас не жалко.

– Интересная логика, – вздернул породистую бровь Миксам, чьи предки хоть и не признавали родства, зато наградили ведьмака вполне аристократической внешностью. – Почему это нас не жаль?

– Потому, – отрезала селянка. – Чего вы приехали? Кто вас звал? Ехали бы себе дальше лесом.

– Вот туда нам как раз и надо, – мило усмехнулся Миксам и еще разок встряхнул девицу для особой доходчивости. – Ведьму вашу заодно навестим, жреца найдем – и прогуляемся. Говорят, для здоровья очень полезно.

– Согласен, – серьезно кивнул Алишер. – А ты нас проводишь. Ну и проследишь, чтобы мы ненароком не зашибли вашу лесную колдунью.

На том и порешили, хотя даже предположить, что прислуга при храме может удержать боевую тройку ведьмаков от притеснения кого-либо, было смешно. Марыська искренне прониклась важностью возложенной на нее миссии, накинула душегрею, чтобы не просквозило по-весеннему коварным ветром, и бодро пошлепала в сторону Безымянного леса. Ведьмаки отправились следом, придерживая коней, чтобы не опрокинуть ненароком целенаправленно месившую грязь девицу, ну и не обгонять так неожиданно подвернувшегося проводника.

Лес встретил их особенным насупленным безмолвием. Казалось, что птицы мигрировали куда-то в более приветливые места и зверье откочевало туда же. Ветки шумели неодобрительно, словно пытались предостеречь чужаков от чего-то, но сказать ничего не могли. Ведьмаки насторожились как по команде. Осторожно проверили, легко ли выходят из ножен мечи, под рукой ли метательные ножи. Марыська же шлепала себе дальше, словно брела не по лесу, издревле славящемуся своими страшными и кровожадными обитателями, чья жестокость вошла в легенду, а вышла на прогулку на залитый солнцем лужок с овечками. И тем не менее Алишер предусмотрительно сделал знак спутникам, чтобы держали ухо остро, и сам зорко вглядывался в окружающие деревья, каждую секунду ожидая подвоха. Как оказалось впоследствии, чутье его не подвело, опасность действительно была, только не там, откуда он ожидал.

Селянка демонстрировала невиданную ведьмаками выносливость, до самого позднего вечера она бодро переставляла ноги без перерыва на обед. Даже глотка воды не сделала. Лошади под седоками выбились из сил и еле шевелили копытами, а проводник знай себе печатает шаг, да так ровно кладет, что хоть на парад на центральную площадь столицы Рансильвании Шепатур выводи, на зависть королевским гвардейцам. Вот тут-то все заподозрили неладное. Миксам осторожно, чтобы не задеть деревья (тропинка в лесу была, но не настолько широкая, чтобы двое конных могли легко разъехаться), поравнялся с Алишером и вполголоса заметил:

- Командир, тебе не кажется, что нас водят кругами?

Алишер вздрогнул, уставился в спину селянки, осененный внезапной догадкой, тряхнул головой, пытаясь избавиться от морока, и внезапно все встало на свои места: ни одна девушка, будь она хоть трижды привычной к долгим пешим переходам, не сравнится с лошадью. Исключением из правил могли служить жрицы удаленных языческих храмов, о чьей выносливости слагались легенды. Но где эти храмы, а где Хренодерки...

- Эй! - крикнул он, нагоняя селянку, хлопнул ее по хрупкому на вид плечу и взвыл от боли в отбитой даже сквозь перчатку ладони.

То ли не рассчитал силы, то ли еще что, но удар получился знатный, однако селянка не просто на ногах устояла, но даже не покачнулась, хихикнула игриво и скрылась в кустах. Только что шла впереди, мелькая обутыми в лапти пятками,

и пропала. Внезапно лес выверился недоброжелательной темнотой. Создавалось стойкое впечатление, что из-за каждого куста за нежеланными гостями следит пара голодных фосфоресцирующих глаз. Даже луна на небо не изволила явиться, хотя до сей поры погода была ясная. По земле, словно живые, жадные щупальца, заструились плотные струи тумана.

– Забодай меня комар! – сквозь стиснутые зубы выдохнул Алишер. – Действительно завели. Но кто?

Миксам, чей привычный к боевым выездам конь сейчас отчего-то нервничал и пугливо прядал ушами, неопределенно пожал плечами, вытягивая клинок из-за спины:

– Леший, разумеется. Кто же еще станет так шутить?

Вопрос, может, и был бы риторическим, если бы не задавался в кругу ведьмаков, чье обучение сводилось не только к умению мечом махать. Большинство боевых ведьмаков может по памяти процитировать малый справочник нежити, проживающей в Рансильвании, в алфавитном порядке да еще дать краткое описание каждому виду. Присутствующие навскидку могли назвать не менее десятка видов нежити или нечисти, которые имеют обыкновение заводить свои жертвы туда, куда Макар телят не гонял. Цели при этом могли быть различные: от просто похихикать над недотепами из кустов до приготовления обеда или ужина (в зависимости от времени суток).

– Почему ты так решил? – тут же заинтересовался Риттер, чей хриплый голос гармонично звучал в напряженной обстановке. – Разве только леший способен на подобный финт?

– Не только, – не стал возражать Миксам. – Просто я явно чую его магию.

– А раньше почуять не мог? – скептически фыркнул Риттер, потирая шрам, который как всегда начал противно зудеть от предчувствия опасности.

– Значит, не мог, – категорично отрезал Алишер, вырвав с корнем ростки противоречий в команде. – Давайте сначала выберемся отсюда, а уж потом будем разбираться, что к чему.

С командиром спорить было не принято. Все дружно начали тарашиться в туманные сумерки, силясь разглядеть нападающих, если таковые имеются. А что хищники где-то неподалеку, каким-то особенным шестым чувством ощущали все.

– О! Леший! Сейчас я его прищучу! – воскликнул Миксам, узрев нечто светлое, мелькнувшее во тьме, и ринулся куда-то в опасную темноту кустов, ломая ветки грудью храпящего от ужаса коня.

– Куда?! – метнулся было Алишер следом, но туман сыто сомкнулся за спиной спутника, и, как ни шарили они с Риттером вокруг, как ни окликали альбиноса по имени, следов последнего не обнаружили.

Только выскользнула откуда-то из травы колючая ежиха, оценила мужчин взглядом блестящих глаз-бусинок, презрительно фыркнула да утопала по своим ежиным делам.

– Черт побери этот Безымянный лес! – в сердцах воскликнул командир, и в глазах его блеснула предательская влага. – Каких людей теряем!

Риттер сунулся было искать дальше, но Алишер решительно одернул товарища. Решение далось ему нелегко, но он четко понимал: останутся – погибнут все.

– Отступаем, – устало молвил он. – Сейчас мы ему ничем не поможем. Завтра продолжим поиски.

Риттер посмотрел на командира так, что лучше бы ударил, зло качнулась в его ухе серебряная серьга с миниатюрным изображением топора, но послушаться он не посмел. Назад возвращались вроде бы той же дорогой, но почему-то она оказалась настолько непроходима, что конному ее не одолеть. Спешились и повели коней в поводу. Во тьме что-то интригующе шуршало, чавкало, рычало, тявкало, злобно клацало зубами и блестело глазами, но пока не нападало. И то плюс.

Наступил рассвет, и Алишер с удивлением обнаружил, что рядом с ним никто не идет, в руках он крепко стискивает пучок какой-то сомнительной травы, а ни лошадей, ни товарища и в помине нет. Он сделал попытку пройти по собственным следам до того места, где их с Риттером следы разошлись в разные

стороны, но безрезультатно. Судя по отпечаткам, с ним рядом шаг в шаг ходили попеременно то кабан, то медведь, то волк, даже пара опоссумов откуда-то прибилудилась.

Сколько он так бродил в поисках товарищей, прежде чем окончательно выбился из сил и устало прислонился спиной к стволу старого дуба, Алишер не знал. Сутки? Двое? Трое? Неделю? Хотя неделю вряд ли. Умер бы от жажды, ведь все припасы остались в седельных сумках вороного. Он тяжело вздохнул. Как ведьмак Алишер отчетливо понимал, что смерть в собственной постели от старости ему точно не грозит. Но погибать так глупо, банально заблудившись и потеряв товарищей и лошадей в каком-то лесу, пусть он хоть трижды Безымянный, было обидно до кончиков волос. Нет, он еще не готов был сдаться, но отчаяние когтистой кошачьей лапой уже скреблось где-то в глубине души.

– Эй, – неожиданно позвал мелодичный женский голос практически у самого уха, заставив ведьмака удивленно подпрыгнуть на месте и пораженно уставиться на светловолосую незнакомку, умудрившуюся обмануть отточенные многочисленными тренировками инстинкты. – Эй, ты чего? Тебе плохо, да?

Участливые серые глаза с притаившимися в глубине зелеными искорками заглянули, казалось, в самую душу.

– Нет, – потрясенно выдохнул ведьмак. – Мне просто очень паршиво.

Глава 1

Светлолика проснулась рано утром, когда солнце только показало свой пламенеющий диск из-за горизонта, добавив небу сиятельного багрянца. Птички радостно пели, приветствуя новый погожий день, природа умылась прохладной росой и застыла в ожидании теплых ласковых лучей, что уже грели почти полетнему, но пока не грозили палящим зноем или засухой.

Ведьма с чувством потянулась, удовлетворенно отметила, как кровь быстрее побежала по жилам, и пришла к выводу, что иногда проживание в лесу имеет свои плюсы. Вяз Дубрович (местный леший) обещал закрыть Безымянный от

неожиданно нагрянувших в Хренодерки ведьмаков. С одной стороны, это нарушало планы по возведению хозпостроек, давно обещанных головой Хренодерок и уже даже начатых, а с другой – обещало ведьме некоторый отдых от чаяний неумных селян. В последнее время хренодерчане чудили не по-детски. Сначала приняли Светлолику за умершую и похоронили заживо, хорошо хоть сбежавший из тюрьмы на острове Беримор вампир решил, что создал из местной ведьмы упырицу, и раскопал ее могилу, дабы милостиво принять Лику в услужение. Правда, вместо благодарности за спасение получил удар лопатой, но Светлолика ничуть не раскаивалась в содеянном. Нечего было кусаться. Ведь если бы проклятый кровосос не покусал ее, практически обескровив, селяне не приняли бы ее бездыханное, бледное тело за труп.

Затем хренодерчане чуть не сожгли ее избу, решив, что говорящий кот – это нечисть, поселившаяся в лесном доме после смерти хозяйки. Понятное дело, котов говорящих окрест Хренодерок отродясь не водилось, но это не повод жечь чужие дома в отсутствие их хозяев. Хотя, если хорошенько подумать, то и в присутствии хозяев жечь все же не стоит.

Домовой Евстах (недавно поселившийся у Светлолики с легкой руки местного вождя двуипостасных) уже давно был на ногах и успел многое. Коза была подоена, вычищена, напоена и отправлена на лужок поесть сочную весеннюю травку. Пол маленький бородатый мужичок с острыми ушками старательно вымел, вымыл и даже ножом выскоблил, отчего в избе поселился приятный древесный дух. Печь Евстах тоже растопил, напек сырников да сварил густого бульону для расхворавшегося жреца, беспокойно спящего на лавке в углу.

Черный пушистый кот Дорофей Тимофеевич с особой кошачьей негой развалился на подоконнике распахнутого настежь окна и попеременно любовался то на суету домового, то на лесной пейзаж. Со стороны могло показаться, будто кот всерьез собрался написать картину и теперь не знает, какую именно сцену следует запечатлеть. По всему выходило, что козу писать лучше. Она и солнцем хорошо освещена, и вообще... Симпатичная и молоко вкусное дает. Характер, правда, вредный, но кто без изъяна?

Приманенная аппетитным запахом горячих сырников, Светлолика быстро натянула домотканое платье поверх льняной сорочки, подпоясалась затейливо плетеным поясом из цветастых нитей, собрала волосы в две косы и покинула спальню.

– Здравствуй, государыня ведьма, – тепло поприветствовал ее Евстах и поклонился так, что чуть лбом об пол не приложился. – Как спалось-почивалось? А я вот тут... хозяйничаю.

«Вот обязательно ему нужно своей хозяйственностью в лицо ткнуть, – недовольно фыркнул про себя Дорофей, свысока окидывая домового презрительным взглядом голубых глаз. – Гляди как некоторые могут себя преподнести... Вроде бы ничего особенного не делал, а кругом молодец выходит. Аж противно!»

Кот нервно дернул хвостом, лениво спрыгнул с подоконника и потерся о ноги хозяйки с таким видом, будто просто шел мимо и заметил ее только что.

– А жрец всю ночь бредил, – наябедничал он.

Аппетит у Светлолики сразу пропал. Разумеется, Дорофей Тимофеевич рассчитывал на несколько иной эффект, но, как говорится, на что не пойдешь, лишь бы привлечь к себе внимание хозяйки. Ну или хотя бы отвлечь его от другого домочадца.

А у жреца действительно поднялся жар. Старческий лоб покраснел и покрылся испариной, мокрые седые волосы обвисли безжизненными прядями, из груди доносились подозрительные хрипы.

– Не вовремя-то как, – с досадой вздохнула молодая ведьма.

Болезнь – она всегда не вовремя. Просто сейчас, когда после двух магических ритуалов подряд Светлолика осталась практически без сил, лечить Гонория оставалось только народными средствами, которые у нее, разумеется, имелись. Только здесь было одно «но»... Жрец слишком стар, и внутренних сил на борьбу с болезнью ему не хватит. Этот печальный факт виден было даже невооруженным взглядом. Для успешного выздоровления нужно добавить нечто извне, и это нечто непременно должно иметь магическую составляющую, чтобы поддержать угасающий организм. Только где ж ее взять?

Как всегда в минуты сильного волнения, решение пришло к Светлолике внезапно, словно озарение свыше.

– Дорофей Тимофеевич, тут без твоей помощи не обойтись, – констатировала она, внимательно осмотрев пациента.

Кот хоть и обратил внимание хозяйки на плохое состояние Гонория, от своего предполагаемого участия в его излечении в восторг не пришел и от радости не запрыгал. В первую очередь от того, что испытывал к жрецу острую личную неприязнь. Пусть Гонорий в свое время изловил Дорофея в соседних Репицах и передал Светлолике, которая как раз пыталась заполучить на постоянное место жительства черного кота, это все равно ничего не меняло. Черных котов вообще редко кто жаловал. Жрецы же обычно считали их исчадием ада, ниспосланным на землю для того, чтобы своими пакостями губить несчастные людские души и вводить паству в грех сквернословия и суеверия. Сам Дорофей Тимофеевич никогда не понимал, отчего соседская Мурка может спокойно перейти улицу и ей это сходит с лап, а он должен нестись галопом, молясь, чтобы брошенный вслед предмет на этот раз пролетел мимо. И чем в него только не кидали, от камня до лаптя. Перечислять устанешь. При этом нецензурно поминали его мать, которая, к слову, обладала трехцветным окрасом. Это отец с цветом шерсти подсуропил.

«И отчего всегда такая реакция? – недоумевал кот. – Плохая примета? Что с того? Баба с пустыми ведрами – примета не лучше, но, если бы каждую селянку били за любой поход к колодцу, все вечно сидели бы без воды и еды (при варке щей да каши вода тоже предмет первой необходимости), женщины щеголяли бы синяками разной степени лиловости, а мужики каждую ночь проводили бы на сеновале».

Но мнения кота никто не спрашивал. Исправно ругались, костерили на чем свет стоит, бросали всем, что под руку подвернется, и троекратно плевали через левое плечо, получая кулаком прямо в глаз, если сзади как раз кто-то шел. В этом случае дурная примета сбывалась сразу на месте.

К тому же кот был по природе своей ленив, и перспектива принимать участие в исцелении больных его вовсе не радовала.

– Для тебя я готов на все, – высокопарно заявил Дорофей Тимофеевич и даже поднялся на задание лапы, чтобы изобразить элегантный поклон. Получилось плохо. Сказывалось отсутствие тренировок и светского воспитания. – Только я всего лишь кот. Что я могу? А вот наш домово-о-ой – на все руки мастер.

В отличие от кота, Евстах переводить стрелки не стал, вытянулся в струнку и замер, готовый на любые трудовые свершения. Глядя на трогательно застывшего Евстаха, Светлолика умилилась. Надо же, какой маленький, а готов работать двадцать четыре часа в сутки фактически за спасибо. Просто мечта большинства домохозяек. Мысленно ведьма поставила галочку «надо вырастить хрен». Евстах давно просил. Все рвется гнать хреновую самогонку. Говорят, уникальный по целебным свойствам продукт. Интересно, если на ней травы настаивать, лечебный эффект усилится?

– К сожалению, Евстах мне тут не подмога, – тяжело вздохнула она. – Здесь кот надобен. Вы, коты, хорошо болезни ощущаете и исцелению помогаете. Да ты, наверное, и сам об этом знаешь. Поэтому вот тебе наказ – поддерживай его святейшество, пока я до лешего сбегаю за грибами.

– За какими грибами? – тут же заинтересовался домовой, мысленно нарисовавший огромный пирог с грибной начинкой.

Он уже практически ощущал, как руками мнет тесто и как пахнет хорошо подрумяненная корочка.

– Лечебными. Их нужно свежими собирать. В них тогда вся сила сохраняется.

– Какие грибы могут быть в эту пору? – скептически фыркнул Дорофей, осматривая старика уже другими глазами.

Раньше он смотрел на Гонория и видел просто больного человека. Теперь же перед кошачьим взором вставали цветные тонкие поля человеческой ауры. Удивительно нежный, голубой, искрящийся цвет энергетического поля жреца поразил пушистого зверя до глубины души. Невольно захотелось дотронуться, поводить когтистой лапой в надежде, что хотя бы часть этого великолепия притянется и побудет пусть временным, но украшением. Голубой цвет энергетики пожирала красновато-черные пятна болезни. Энергия болезни медленно, но верно отвоевывала позиции, накрывая старика в беспокойном забытьи чем-то вроде грязного савана. Дорофей тяжело вздохнул. Одному ему такое явно не исправить.

– Леший знает где, – уверенно изрекла Светлолика и отправилась искать корзину в кладовку, где ее ждал сюрприз.

Евстах разобрал-таки в кладовой, расположил по стенам полки, рассортировал все, разложил вещи, травы в пучках развесил стройными рядами на веревках, натянутых под потолком. Такого порядка в кладовке отродясь не бывало.

Рассчитывавшая нырнуть в гору разнообразных вещей, с чувством покопаться в них, беспорядочно затолкать все обратно и подпереть дверь комодом, если она, как бывало не раз, не закроется, ведьма растерялась. В наведенном порядке глаза разбегались, обнаруживая кучу давно потерянных вещей. Нарушать наведенную домовым эстетику казалось чем-то сродни святотатству.

- И как же я тут чего-нибудь найду? - с тоской во взоре вздохнула она.

- Во-о-от, - злорадно фыркнул кот. - Видишь, какой от него вред.

Евстах смущенно шмыгнул носом. Совсем не на такой эффект он рассчитывал.

- А чего потеряла-то? Может, я помочь чем смогу? - осторожно, чтобы не усугублять и без того пошатнувшееся положение, уточнил домовый и с надеждой заглянул снизу в глаза затосковавшей хозяйки.

- А ты уже помог, - саркастически заметил Дорофей. - Вон в родной кладовке ничего не найти теперь.

- Как будто в этом бардаке чего-нибудь найти было можно?! Да в подобной свалке ни одна ищейка не разберется! - не выдержал незаслуженных подначек кота Евстах и даже попытался подбочениться, но тут же неловко осекся и сбавил тон: - В смысле госпожа ведьма, конечно, нашла бы, что захочет, но ведь теперь я подсказать могу.

- Найди-ка мне, друг мой, большую корзину. Раз уж ты так до подсказок охоч, - попросила Светолика, перестав изображать памятник собственному потрясению. - А ты, Дорофей Тимофеевич, чем других критиковать, лучше бы сам делом занялся.

Кот надулся и стал похож на лохматый шар с глазами.

– Ну и пойду, – раздраженно фыркнул он. – Разведут дармоедов, а я вечно крайним оказываюсь, – недовольно зашипел Дорофей под нос так «тихо», что глухой расслышит, не прислушиваясь.

Светлолика, впрочем, внимания на недовольство кота не обратила. Пришлось ему, неоцененному и непонятому, приниматься за лечение жреца. Кот глубоко, с надрывом вздохнул, осознавая всю тяжесть кошачьего бытия и постоянное угнетение более сильными окружающими, и осторожно, плавно перетек на старческое тело Гонория. Улегся прямо поверх одеяла, распластался, растекся, как некая бескостная меховая полость с подогревом, завибрировал, мурлыча. Когти Дорофея Тимофеевича принялись мерно царапать одеяло, осторожно, по капельке выманивая болезнь из измученного стариковского организма. Жрец затих. Перестал метаться и как будто посветлел ликом. То ли тепло ему стало под своеобразной грелкой, то ли кошачьи манипуляции и впрямь помогали.

Евстах быстро отыскал корзину. Да не одну, а целых три штуки на выбор и с гордостью, словно сплел каждую собственноручно, предъявил их ведьме. Светлолика бегло осмотрела предложенный ассортимент и забраковала пару как ненужные. Одну – потому что слишком уж большая, грибы в такую неделю собирать будешь. Другую местами погрызла мышка. Третья же оказалась в самый раз. Достаточно вместительная и при этом вполне легкая, с удобной ручкой и при ходьбе не мешает.

– Ну, я пошла, – известила Светлолика домашних и сделала было шаг за порог, как Евстах намертво вцепился в юбку домотканого платья.

– Куда же ты?! – заголосил он, словно не в лес она к лешему собралась, а на войну с сопредельным государством, причем воевать собирается своими силами и в гордом одиночестве. – Не позавтракав, чаю не попив, и душегрею не надела. Простудишься ведь.

Здоровое зерно в панике домового было. Простудиться на по-весеннему коварном ветерке можно было запросто.

– Душегрею давай. А завтракать некогда – время дорого, – строго оповестила ведьма Евстаха, чтобы не зарывался.

Забота всегда приятна. Оно, конечно, и кошка заурчит, когда ее погладят ласково и о ее будущем побеспокоятся, только о субординации тоже забывать не следует, а то, не ровен час, на голову сядут, ножки свесят и помыкать начнут.

Домовой вовсе не обиделся. Характер у него вообще был легкий, услужливый. Такие качества в домовых с младенчества пестуются, чтобы с людьми хорошо уживались. Он заметался как перепуганная белка и за несколько секунд отыскал красивую стеганую душегрею, которую, к слову, Светлолика тщетно искала пару лет, собрал в узелок сырники, налил в старую походную фляжку компота из сушеных груш, яблок и шиповника. Провиант и одежду торжественно вручил девушке, заслужив с кровати от Дорофея презрительное сквозь зубы: «Подхалим!»

- И лапти надень, - посоветовал Евстах.

- Зачем? - удивленно уставилась на собственные ботинки Светлолика, искренне не понимая, чем ее обувь так плоха, что домовому не угодила.

- А в лаптях по лесу ходить удобнее. Сейчас в лесу сухо, давешний дождь уже в землю впитался, а лапоть с корнями, из земли выпирающими, сцепление хорошее имеет и ногу бережет, - со знанием дела заявил домовой.

Ведьма поняла, что, если начнет спорить, дольше провозится, и переобулась. В лес она вышла в лаптях, в душегрее и с корзиной наперевес, готовая к любым опасностям. К лешему путь был не близкий, но хорошо знакомый, и Светлолика решительно шагала, не особо оглядываясь по сторонам. Ноги сами несли ее по привычной дороге.

За старой заброшенной мельницей, в омуте под развалившимся колесом проживало некое неизвестное чудище, о котором многие слышали, но никто в глаза не видел, по крайней мере полностью. Иногда откуда-то из темно-зеленых, мутных глубин выныривали розовые, словно пятка младенца, щупальца и долго шарили по берегу. Светлолика часто оставляла многоногому несколько сухарей. Чудище осторожно ощупывало подношение и утаскивало его под воду, откуда вскоре доносился смачный хруст. На сей раз ведьма оставила на берегу сырник, хотя и не была уверена, что еда обитателю омуты понравится, а переводить пищу зря она не была приучена, но тихий всплеск и последовавшее за ним довольное чавканье развеяли ее сомнения.

Чуть дальше, когда уже близко было болото, по которому, не зная переменчивой тропы, через коварную трясику пройти могли только пьяные и то не всегда, через раз тонули (несчастных пьянчуг из крепких объятий болота извлекал Вяз Дубрович собственноручно и выдворял за границы топи, чтобы не портили экологию своими проспиртованными телами), показалась небольшая поляна с кряжистым деревом. Место довольно приметное, но до дома Вяза Дубровича было еще далеко. Сам леший проживал в чаще леса, на краю болота, вырастив большой раскидистый дуб под свое жилье. Тот дуб (не чета увиденному сейчас Светлоликой) возвышался лесным великаном, имел ствол толщиной с хорошую, просторную избу и несколько полостей-комнат. Окнами служили круглые дупла, закрывавшиеся ставнями из плетеной травы, утепленной мхом. Дверью был просвет между могучими корнями, загороженный толстой корой. Внутри было прохладно летом и тепло зимой. Живой ковер из короткой травы дарил отдохновение ногам и глазу. Плющ с резными листьями всех оттенков зеленого спускался по стенам и свисал с дверных проемов между комнатами как своеобразный занавес.

К этому же дереву устало, словно всю ночь провел в трудах праведных, привалился спиной высокий русоволосый мужчина в куртке с серебряными шипами, тяжелых сапогах, отделанных шипами же по голенищу. В другое время Светлолика глянула бы мельком да мимо прошла. Мужчина явно не местный (такой дорогой одежды здесь никто не носил), значит, здороваться не обязательно. А что стоит здесь и глаза закрыл – так отдыхает человек. Чего ж ему мешать и в его мысли со своими надоедливими вопросами влезать? Стоит себе, и пусть стоит. Стороной обойти – и все.

Ведьма так и поступила бы. Она уже сделала шаг, чтобы тихонько миновать поляну по самому ее краю и остаться незамеченной, но стоило Светлолике лишь раз взглянуть на усталый профиль, как она его узнала. Нет, раньше она этого мужчину никогда не видела, по крайней мере наяву. Они никогда не встречались, и тем не менее чувство узнавания пронзило как молния, до какого-то болезненного озарения, до крови на губах. Она знала, что, если мужчина откроет глаза, они окажутся светло-карими, и что когда он не собирает волосы в хвост, то стягивает их налобной повязкой из кожи с нашитыми на нее амулетами.

С того знаменательного момента, когда Светлолика познакомилась с волчьим тотемом, ей стала часто сниться ее мама, рыжая Льесса, которая вернулась в свою родную деревню, где проживал их клан меняющих облик. И сейчас перед

ее внутренним взором встал один из снов.

Мать Медведица (шаманка клана меняющих облик), у которых больше всех обликов в клане, и потому ее душа считается самой совершенной, часто рассказывала молодняку страшилки о том, как опасны для народов, обладающих особенной магией, ведьмаки. Меняющие облик были одним из таких народов, потому предпочитали селиться в самых дальних уголках Рансильвани в надежде, что о них либо забудут, либо поленятся забираться в подобную глушь. Рыжая Льесса, будучи еще маленькой девочкой с одним-единственным обликом, слушала рассказы шаманки, буквально раскрыв рот, и неизменно старалась залезть на колени к старой женщине. Но все рассказы, все страшилки не стали значить ровным счетом ничего, когда обретшая новый облик лисички Льесса возвращалась в село с тушкой убитой ею утки, и с неба упал сокол, прошептав потрясенной, перепуганной лисичке: «Беги!»

И она помчалась прочь от гари, страшных запахов пожара, потускневших мертвых глаз окровавленного сокола. Забежала так далеко, насколько смогла. Некоторое время Льесса пряталась, не рискуя высунуть из убежища даже кончик собственного носа, пока голод и жажда не поставили ее перед отчаянным выбором: умри либо выходи на свой страх и риск. Ослабевшая, на трясущихся лапах она выползла на свет божий и отправилась на поиски воды и еды...

И все-таки, несмотря на ужас, который охватывал ее каждый раз при воспоминании о том, как с неба упал сокол, Льесса не могла не думать об оставленном селении. Вся ее душа, теплящаяся в лисьем теле, рвалась туда, чтобы хоть одним глазком посмотреть, что же там все-таки произошло. Может, еще и выжил кто-то, может, давно вернулись односельчане на остывшее пепелище и матушка плачет, представляя ее безвременно покинувшей этот мир.

Она решилась. Осторожно, заросшими тропами, где не всякая мышь сумеет пробраться, прокралась до окраины родного села и остановилась. Замерла, как статуя маленькому зверенышу, почуяв, какой жутью повеяло со стороны когда-то уютного жилья. Только теперь Льесса заметила, что ни одна птица не пролетела рядом, ни одним животным не пахнет в округе, тянет смертью, страшной магией и гарью. Даже падальщик не соблазнился поживой, не копался в руинах в поисках останков. И тут какой-то посторонний звук привлек внимание растерянной лисички. Она резко обернулась и судорожно втянула тошнотворный воздух открытой пастью. Ведьмак.

Это был именно он. Сомнений не было. Высокий, в кожаной куртке с серебряными шипами, которые служили не только украшением, но и, судя по окружавшей их ауре магии, защитой. Сапоги тяжелые, тоже отделанные по голенищу шипами. В таких далеко идти сложно, зато удар ноги в подобной обуви способен сломать челюсть если не медведю, то волку точно. Русые волосы мужчины спускались ниже плеч и были стянуты кожаным шнурком с нашитыми магическими амулетами. Светло-карие глаза смотрели спокойно, даже с некоторой долей усталости, будто их обладателю было, в сущности, все равно, что сделать с застигнутой на открытой местности маленькой меняющей облик. Он прекрасно знал – сбежать лисичка не сможет и не успеет. Мощный жеребец вороной масти методично звякал железом удил, словно всерьез думал, что конские зубы способны перегрызть внушительной толщины трензель. Такая зверюга в несколько прыжков догонит беглянку и даже не вспотеет, а всадник рубанет острой сталью меча прямо с седла, жестоко прерывая короткую жизнь Льессы.

«Ну и пусть! – упрямо толкнулась в голове мысль. – Пусть догоняет, пусть рубит сплеча. Пусть... Я встречусь с родными не в этом пропахшем страхом и жутью месте, а на вечнозеленых небесных лугах, где всех меняющих облик давно поджидают предки. Там отменная охота, прекрасный урожай и вообще все хорошо».

Звук металла о ножны прозвучал для нее неотвратимо, как злой рок. Если еще была надежда, что меняющую облик примут за обычную лису, то теперь она развеялась. Оставалось только замороженно и обреченно смотреть расширенными от ужаса глазами, как к ней с неумолимостью раннего заката приближается сверкающая полоска стали. И нет сил выдержать зрелище до конца, как нет сил собрать волю в кулак и попытаться сделать последний, вытягивающий жилы рывок к спасительному лесу в надежде, что родные деревья скроют от преследователя. Хотя какая тут может быть надежда? Деревню же не скрыли. Не защитили от страшных чужаков, не охранили от пламени пожара, не разверзлась земля под мерными ударами бубна шаманки, чтобы принять в свои объятия и раздавить жестоких убийц. Льесса крепко зажмурилась в ожидании удара, но он все не следовал. Маленькое сердечко испуганной птичкой билось в грудной клетке, словно мечтало выскочить и улететь на волю. Она все ждала... ждала... не надеясь на чудесное спасение. И в самом деле, почему ее должны помиловать, если вся деревня не просто погибла, а уничтожена под самый корень, выжжена, стерта с лица земли, да так, что на этом месте веками трава расти не будет. Станет когда-то теплая земля раной на

теле леса: и не зарастет никак, и не закроется. Со временем облюбует место нежить, и поползут новые слухи о рассаднике.

– Уходи. – Голос ведьмака прозвучал хрипло и как-то устало, будто единственное слово стоило ему невероятных усилий.

Льесса, не веря своим ушам, распахнула глаза и удивленно уставилась на злобное порождение экспериментов магов, что существовало на просторах Рансильвании только благодаря неизвестной, непонятной маленькой меняющей облик трансформации. Ведьмак, которым пугала Мать Медведица детей у костра, ее отпускает?

– Уходи, – повторил он, и на его лице отразилась твердая решимость.

Меч с тихим шорохом скользнул в ножны. Лисичка проводила закаленную сталь потрясенным взглядом, не веря в свою удачу.

– Ну! – прикрикнул на ошалевшую от щедрого предложения меняющую облик ведьмак. – Мне передумать или гнать тебя пинками прочь? Не заставляй меня жалеть о своем решении.

Все еще лежа на пузе, Льесса попятилась. Обдирая пушистый живот о мелкие камни, она медленно, опасаясь получить удар меча, поползла в сторону спасительного леса и вздрогнула, когда чей-то голос крикнул:

– Алишер! Алишер! Ну, что там?!

– Ничего! Показалось! – ответил ведьмак, и дробный топот копыт возвестил о его отъезде.

Светлолика моргнула. Картины прошлого из сна пронеслись перед глазами как живые, потому она просто не могла пройти мимо, не спросив, не нуждается ли ведьмак в помощи.

– Эй! – осторожно позвала она светловолосого, не решаясь дотронуться рукой. Даже простой человек от неожиданности может по уху съездить, а уж ведьмак вообще неизвестно что отчебучит. – Эй, ты чего? Тебе плохо, да?

– Нет, – потрясенно выдохнул он. – Мне просто очень паршиво.

Светлолика удивленно моргнула.

– А то, что ты стоишь на муравейнике, имеет отношение к плохому самочувствию? – прежде чем начинать диагностику предполагаемого пациента, уточнила она.

– Что?! – вытаращился Алишер, только сейчас внезапно осознавший, что мурашки по его коже бегут отнюдь не в фигуральном, а в буквальном смысле.

Усталость сразу как рукой сняло. Ведьмак выдал зажигательную смесь танца самца трясогузки в брачный период и пляски жреца дикого племени людоедов, от вида которой любой шаман бросит бубен и возрыдает, осознав полную профнепригодность. А еще Алишер при всем разнообразии физических упражнений умудрился выразить свое глубокое недовольство насекомыми Безымянного леса вообще и каждого его обитателя в частности с такими заковыристыми оборотами речи, что тролли (а они большие охальники) с удовольствием записали бы многие в свой словарь особо крепких выражений.

Светлолика задумчиво выслушала вдохновенный монолог и почти не поняла, о чем велась речь. Некоторые фразы ее сильно заинтриговали, так как даже с очень богатым воображением осуществить иные действия и позы было нереально.

Когда ведьмак закончил свою невольную просветительскую работу среди рядов местных ведьм в лице единственного представителя, с дуба свесился вампир, который как во время всего прочувствованного монолога, так и до этого спокойно дремал себе на ветвях старого дерева, внутренне надеясь, что рассеянные лучи весеннего солнца если не заменят практически полное отсутствие еды, то хотя бы согреют.

– Разве можно употреблять подобные выражения в приличном обществе и тем более при дамах? – упрекнул Валсидал, ничуть не смущаясь, что сам при вышеупомянутых дамах щеголяет совершенно обнаженным костлявым торсом. – Это не просто вопиющее нарушение этикета и полное отсутствие светских манер, но и банальное хамство. Вы, ведьмаки, народ, конечно, дикий и в своих походах чего только не нахватаетесь, но все-таки следует держать себя в руках.

Если не можете, то чаще мойте рот щеткой и не жалеете при этом мыла. Дезинфекция называется.

В ответ пребывавший в состоянии, близком к ярости берсеркера, Алишер смерил наглого худосочного учителя этикета многозначительным взглядом светлокрихих глаз, какой обычно бывает у мясника, когда он, разглядывая приведенную на убой буренку, прикидывает нарубку мяса на порционные куски.

– Где это нежить узрела приличное общество? – с нажимом поинтересовался он, раздумывая, успеет ли вынуть клинок и проучить наглеца, заодно исполнив порученное главой совета магов задание, или вампир исчезнет раньше, чем ведьмак моргнет.

То, что перед ним именно искомый вампир, Алишер догадался без особого труда не только по характерно выпирающим из утончившихся в результате хронического недоедания губ клыкам, но и с помощью некоторого особого чутья, которое ведьмак развивал годами. Искать потом объект охоты в совершенно незнакомом, да еще и негостеприимном лесу не хотелось.

– Допустим, на собравшееся общество взгляд может быть различный. Но дама здесь определенно имеется, и хотя бы поэтому стоило попридержать язык, – наставительно изрек Валсидал.

– Какая же это дама? Обычная деревенская девка, – парировал ведьмак, которого ирония не покинула, несмотря на общую усталость.

– Как будто селянка не может быть дамой хотя бы в глубине души. К тому же она не просто «девка», как господин ведьмак изволил выразиться, а еще и местная ведьма по совместительству, – фыркнул Валсидал. – В свое время знавал я таких дам, для которых «ведьма» или «карга» – единственно верное определение, а между тем все сплошь щеголяли отменными родословными да титулами. Приходилось каждой улыбаться, ручку целовать... Тьфу! Даже вспомнить противно.

Алишер попытался воспользоваться ситуацией и накинуть на разглагольствующую о тонкостях этикета нежить мелкаячеистую сеть с изрядным добавлением серебра в нитях, но Валсидал оказался не лыком шит и ловко увернулся. В сеть угодил только какой-то обломанный сук. Сам же вампир

укоризненно погрозил охотнику пальцем из густой кроны:

– Но-но. Попрошу без излишней фамильярности. Если я нежить, это вовсе не означает, что в меня можно метать всякой гадостью. Вот поэтому вас, ведьмаков, никто не любит. С вами даже поговорить нельзя без того, чтобы вы не прикинули, как половчее собеседника на декокты расчленить. Маньяки.

Алишер на критику совсем не обиделся, а расстроился, потому что промазал. Ведь как хорошо могло закончиться задание! Доставил бы вампира главе совета магов, и можно искать спутников (ну или мстить за них, если не найдет). Упустить вампира, тем более так глупо, было очень досадно. Удрученный ведьмак перевел свой взор на задумчивую ведьму.

Светлолика в «милой» беседе мужчин участия не принимала и уже вполне созрела, чтобы покинуть поляну не прощаясь, но в глубине души ведьму маленькой мышкой грызла совесть: оставить спасшего когда-то ее мать ведьмака, даже не попытавшись как-нибудь отблагодарить, было как-то неловко, что ли. «Может, угостить его сырниками и компотом? – думала она. – А что? Перекусит в обед. Да и мне тащить до лешего лишнее смысла нет». Пока она размышляла подобным образом, Алишер пришел к выводу, что местный проводник ему все еще нужен, и приступил к активным действиям по его добыче. То есть нагло сгреб опешившую от неожиданного поворота событий девушку в объятия и заявил:

– Будешь помогать мне в поисках команды.

Светлолика открыла было рот, чтобы возмущенно заявить: «А вот шиш тебе, наглец! Даже не подумаю!» – как с дерева рассерженным котом фыркнул вампир:

– Это произвол и наглое наплевательство на права человека!

– При чем здесь права человека? – несколько опешил от заявления нежити Алишер.

– При всем, – авторитетно заявил вампир.

Ведьма же сначала запаниковала, но почувствовала приближение Лютого в компании вервольфиц и расслабилась. В последнее время странная связь между ней и дикими оборотнями только крепла. Иногда ей казалось: стоит закрыть глаза – и она увидит их тени, скользящие в лесу.

– Ты же нежить, тебе на права людей наплевать, – напомнил ведьмак вампиру общеизвестное положение дел.

– Это не дает тебе повода бессовестно их попить, – откликнулся Валсидал, но вниз на всякий случай спускаться не стал, хотя очень жаждал бросить хлесткую фразу прямо в лицо оппоненту.

Но благоразумие – мать осторожности. А осторожные вампиры живут значительно дольше своих отчаянных собратьев. Эту истину Валсидал Алукард уяснил еще в пору своего счастливого детства, когда бегал в коротеньких штанишках.

– Отпустил бы ты меня, мил-человек, пока по-хорошему прошу, – напомнила о себе Светлолика, и не думавшая напрасно трепыхаться в кольце сильных мужских рук.

А зачем? Борьбе она была вовсе не обучена. На ногу наступить, конечно, могла, но в таких знатных сапогах супостат даже не почувствует удара девичьей пятки. Вот если бы лось наступил, тогда да. Но лось еще дозваться надо. Можно, конечно, попробовать огреть ведьмака корзиной, но с такого расстояния ни замахнуть толком, ни ударить. Курам на смех такой удар. А веселить кого-нибудь у Светлолики настроения не было.

– Интересно, а если по-плохому? – тут же заинтересовался ведьмак.

– Чудные вы, ведьмаки. Разве так ведьму об услуге просят? Даже любой сельский житель знает, что к ней с подношением приходиться надобно, а не руками загребущими хватать... – вклинился в перебранку Валсидал, не спешивший, однако, ведьме на помощь, так как, во-первых, прекрасно понимал, что недокормленная нежить супротив ведьмака скорее всего не выстоит, а во-вторых, за данную ведьму и без него есть кому заступиться, пусть они и впрягаются.

И вообще, предыдущих благих порывов вампира девица абсолютно не оценила. Вот пусть и почувствует теперь разницу в общении. «А какая могла упырица получиться...» – тоскливо вздохнул про себя он.

Ведьмак скептически фыркнул. Так уж вышло, что после попадания в Безымянный лес он лишился всего своего имущества разом и поднести кому-то мог разве что кулак под нос. Положительно, местность влияла на него отрицательно, но говорить об этом вслух точно не следовало. Ведьмы народ зловредный. Иногда упрутся, как баран рогами в новые ворота, и, хоть на костер веди, все равно не передумают. Посему действовать следовало осторожно. Вроде и пообещать что-нибудь... потом... когда-нибудь, но не совсем что-то определенное, а если уж расплачиваться придется, всучить ничего не значащую ерунду и невинно заявить, будто его не так поняли. Но и спуску давать не следует. Чтобы руку твердую чувствовала и надуть не пыталась.

– А я и отблагодарю... потом... если захочет, – многозначительно заметил он, из чего Светлолика заключила, что добро ведьмакам делать – себе дороже и провожать куда бы то ни было их вовсе не стоит.

Как бы не зашиб такой спутник в конце пути. Да ну его к лешему, окаянного. Паршиво ему, видите ли! Так пусть сидит и дальше паршивеет в гордом одиночестве, раз ему так нравится.

Глава 2

В это время к дубу вышли вервольфы. Грозная стража местной ведьмы, наводившая трепет как на сельчан, так и на многих лесных обитателей, окружила зарвавшегося ведьмака по всем правилам. Чтобы Алишер не вздумал благополучно сделать ноги (в принципе такое развитие событий устраивало всех, кроме непосредственно ведьмака, но он мог невзначай прихватить с собой ведьму), первыми позади русоволосого встали черная и белая волчицы. Луна и Пантера отрезали ведьмаку пути отступления, и только тогда из чащи показался серый Лютый и обнажил клыки в оскале.

Алишер по достоинству оценил остроту зубов вервольфа, но бежать не стал, понимал: матерый вервольф догонит его, даже особо не вспотев. Шансы

скрыться были только верхом, но лошадь благополучно пропала еще ночью. Наверняка ею поужинали местные волки. Жаль, конечно, но зверью счет не предъявишь. К тому же теперь с ним была девушка. Пусть ведьма, но это не значит, что ее стоит бросать на произвол судьбы. В другое время, может, он и метнул бы девчонку в монстра, все равно пропадать, так пусть хоть один спасется, у кого шансы на выживание выше. Но внутренний голос противно шептал, что в Безымянном лесу без проводника не выжить.

«Эх! Пропадаю ни за грош!» – тоскливо подумал ведьмак и бросился на землю, прикрывая собой тонко взвизгнувшую девицу.

Лютый не ожидал от ведьмака такой прыти и растерялся, не зная, что предпринять. Раньше ему приходилось встречаться с этой братией, практически с пеленок натасканной находить и убивать нежить. Приняв заказ, ведьмаки всегда выполняли его, причем любой ценой. Если, конечно, не гибли в процессе охоты. Злые языки поговаривали, будто и в посмертии ведьмаки от своего не отступались и преследовали приговоренную нежить бесплотными духами, жутко завывали, не давая охотиться и отдыхать. Монстры не выдерживали и либо сходили с ума, либо дохли от голода. Но так ли это на самом деле, никто точно не знал. Не знал и матерый вервольф. Поэтому и ходил теперь кругами, опасаясь, что непредсказуемый чужак может поранить ведьму, если начать ее спасение. И от этих сомнений порванное в боях ухо чесалось невыносимо. Сомнения вожака передались и волчицам. Они осторожно, на пузе, подобрались поближе, растерянно тявкая.

Светлолика героического спасения вовсе не оценила. Жесткое падение лицом в траву как-то не входило в ее планы. Да еще и руки ведьмак расцеплять не стал, так что ведьма едва успела повернуть голову набок и только поэтому счастливо избежала перелома носа. Серебряные шипы на куртке ведьмака, служившие отнюдь не украшением, пребольно впились в спину. Корзина отлетела в сторону, ее содержимое рассыпалось, привлекая вездесущих муравьев ароматным духом сырников. На поляну сунулся было мелкий зверек, чтобы попить, но тут же убрался от греха подальше, решив, что ни одно, даже самое лучшее творожное изделие не стоит собственной жизни.

– Сдурел?! – разъяренно поинтересовалась она у больно припечатавшего ее мужчины, судорожно попыталась выбраться, но острые шипы куртки впились еще больней, заставив передумать.

Спасибо заботливому Евстаху, настоявшему на более плотной одежде, чем простое домотканое платье, иначе шипы воткнулись бы отнюдь не в стеганую душегрею, а сразу распороли бы беззащитную девичью спину. Сейчас же Лика отделается всего лишь несколькими царапинами.

«Хоть в чем-то повезло! – осторожно вздохнула про себя ведьма. – Вечно так... носят некоторые на себе Всевышний знает что, а страдают окружающие».

– Угомонись же, дуреха! Здесь звери... – злобно прошипел ведьмак в ответ и даже слегка прижал голову Светлолики к земле, чтобы своим трепыханием не привлекала излишнего внимания хищников.

Как известно, страх и паника жертвы побуждают хищную тварь кинуться. Напротив, если вести себя разумно, существует мизерный шанс, что не особенно голодный зверь сочтет тебя не очень удобной добычей и просто отправится по своим делам. Правда, в практике Алишера еще ни разу не было случая, чтобы дикий вервольф просто так прошел мимо. Злобные твари жрали все подряд и зачастую разрывали людей на части просто из удовольствия, получаемого от самого процесса.

– Я заметила. Один козел на мне уже лежит, – с чувством заметила Светлолика.

Ее настроение не просто упало ниже уровня погребя, но и стремилось к еще большим отрицательным величинам.

«Все-таки бабы неблагодарный народ, – раздраженно заметил про себя Алишер. – Я ради нее, между прочим, жизнью рискую. А она вместо спасибо козлом обзывается. Дуреха наверняка даже не подозревает, что вон те пушистые зверушки на самом деле вовсе не милые, а очень даже кровожадные существа. И как она с такими умственными способностями протянула в Безымянном лесу? Видимо, действительно блаженных Всевышний бережет...»

Ведьмак, не особо церемонясь, сгреб в пятерню девичьи волосы, сколько в руку влезло, и с силой потянул голову ведьмы вверх, предъявляя Лике скалящиеся звериные морды. Пусть полюбуется.

– Вот этих зверей я имел в виду, – растягивая слова специально для особо непонятливых, прокомментировал он.

Светлолика скрипнула зубами от боли и решила, что убивать ведьмаков сразу при встрече, не задавая им лишних вопросов, не такая уж плохая идея.

– И поэтому надо было возить меня лицом по земле?! – сорвалась на крик она. – Лютый! А ты что стоишь? Стяни этого придурка с меня и выплюнь где-нибудь подальше... Глаза б мои его не видели.

Алишер пораженно замер. Девушка точно была сумасшедшей. Ведь никто в своем уме, кроме специально обученных наставников, не додумается командовать дикими вервольфами. Ну, наставники – народ особый. Они обращению с монстрами не один год в Академии четырех стихий учатся, да и все оборотни, которых курировали маги, носили ошейники подчинения, ибо в общении с нежитью на авось надеяться не следовало.

– Ведьмачок-чок-чок... дурачок-чок-чок... – противно запел свесившийся откуда-то сверху из дубовой кроны вампир. – Нашел чем ведьму напугать... Это же ее звери. Она их у магов сперла... Тьфу ты! Освободила, словом.

Пока ведьмак пытался переварить информацию, Лютый примерился так, чтобы не задеть серебряные шипы и не поранить собственную морду, сгреб зубами ворот куртки и рывком запустил Алишера в ближайшие кусты. Светлолика же осталась лежать на земле. Клята, мята, ругана – как замужем побывала.

– Наконец-то, – блаженно вздохнула она, пытаясь определить, насколько пострадало тело от слишком близкого знакомства с ведьмаком.

Она осторожно ощупала себя сначала сзади, потом перевернулась на спину, повторила процедуру и пришла к выводу, что и на сей раз Всевышний миловал. Однако права была шаманка из ее снов, предостерегая свое племя от встречи с ведьмаками. От них один только вред. Светлолика, кряхтя как столетняя бабка, поднялась на ноги, одернула перепачканное травой и землей платье (угораздило же ее надеть сегодня одно из лучших), стянула с себя драную душегрею, оценила ущерб и пригорюнилась. Такие дыры не зашьешь – заплаток выйдет слишком много. Вон какие частые проколы шипы оставили, солнце на просвет видать.

– Через такую душегрею хорошо с вареной картошки воду сливать, – с досадой фыркнула она, прежде чем от души запустить испорченной одеждой в кусты. – Хорошо хоть не меховая.

Меховую было бы еще жальче.

Волею случая душегрея пролетела по широкой дуге и упала ровно на голову притаившегося в кустах ведьмака. Тот даже не подумал шевелиться, хотя от ткани сильно зачесался нос. Но ведьма могла вспомнить о нем и науськать своих зверей. Интересно, как она умудрилась с ними поладить?

Светлолика тем временем заботливо осмотрела Лютого, млевшего от того, что не только оказался полезен, но и получил ее внимание, на предмет ран после общения с ведьмачьими шипами. Не обнаружив даже царапин, вздохнула с облегчением:

– Хвала Всевышнему, ты не пострадал.

Луна и Пантера на брюхе подползли к девушке, Светлолика и их потрепала по лобастым головам, почесала за ушами. Ласковое отношение и оборотням приятно.

– Хорошенькое дело, радоваться, что не пострадал монстр, – не выдержал Алишер. – А мое самочувствие никого не интересует?

– Да кому ты нужен, убийца? – съехидничал вампир, не упустивший случая подразнить ведьмака с безопасного расстояния. – Мы твою наглую физиономию впервые видим. И вообще, где тебя воспитывали? В хлеву? Что за манеры – впервые увидел девицу и тут же хватает ее руками?

Алишер никогда за словом в карман не лез, но в этот раз предпочел промолчать. Благоразумный ведьмак – живой ведьмак. К тому же какой смысл точить лясы с нежитью, которую собираешься убить, ну... или поймать. Хотя с каждой минутой пребывания в Безымянном лесу предать вампира мучительной смерти хотелось все больше и больше.

Разумеется, Валсидал предпочел умолчать о том, что сам при первой встрече пытался запустить клыки в шею ведьмы, а при второй все-таки это сделал. Зачем же показывать посторонним бревно в своем глазу, когда есть шанс вполне безнаказанно пересчитать соломинки в чужом оке.

Светлолика внутренне проклинала себя за излишнюю сентиментальность, стоившую ей не только потери одежды, но и самого ценного – времени. Все еще досадуя на себя, она справедливо сочла долг матери уплаченным. В конце концов, ведьмак просто отпустил Льессу, не убив и не ранив. Что ж. Ее дочь поступит ровно так же: не убьет ведьмака, не ранит и даже зверям своим не скормит. А значит, вполне можно отправляться к лешему.

Лютый внимательно посмотрел на расстроенную девицу, подобрал фляжку с компотом (сырники уже благополучно растащили шустрые муравьи), бросил ее в корзину, торжественно вручил Лике ее скарб, затем развернулся к ней спиной, и вервольфы в три хвоста оббили пыль с ее платья.

– Помощники мои, – умилилась ведьма.

«Положительно, она обращает на них слишком много внимания и любое их действие превозносит до небес, как некое героическое свершение, – хмыкнул про себя Валсидал. – А я, между прочим, тоже нежить, и зубы острые во рту имеются... А она никогда со мной так не воркует... неблагоприятная. Наверное, дело в том, что девушкам всегда нравятся пушистые зверушки, и чем они лохматее, тем лучше».

Светлолика, чье платье стало лишь немногим чище (так как пятна травы нужно было застирывать), потеплела душой и, прежде чем уйти окончательно, все-таки снизошла до совета.

– Эй, ты! Ведьмак! – крикнула она громко, заставив некоторых птиц, присевших отдохнуть на ветви дуба, испуганно вспорхнуть.

– Зачем так орать? Я не глухой и контузией не страдаю, – бодро откликнулся Алишер из кустов.

– Только тупой, – вставил свое веское слово вампир, и ведьмак попытался прикинуть, куда можно метнуть пару-тройку серебряных звезд, чтобы сбить разговорчивую нежить на землю, если повезет.

Ну или хотя бы немного подпортить ей жизнь, если не повезет.

Светлолика же на реплики вампира не обратила никакого внимания. Впрочем, оно и понятно. В ее избе лежит не на шутку расхворавшийся жрец, он остро нуждается в помощи, а ведьма и так слишком задержалась. Вступать в лишние перепалки ей было вовсе недосуг.

– Слышишь, ведьмак? Ну вот и славно. Дважды повторять не придется. Ты коли советы чужие принимаешь, так выслушай и мой, не побрезгуй. Ехал бы ты восвояси, пока цел, в относительном уме и убраться в состоянии. Безымянный лес – место особое, не каждому для здоровья его воздух на пользу идет. Ведьмакам, например, он противопоказан.

Алишер невольно поежился. Пугливым он никогда не был, но слова ведьмы прозвучали так весомо, будто кто-то вколотил последний гвоздь в крышку его гроба.

Он упрямо тряхнул головой, разгоняя неприятные ощущения. Да кто она такая, чтобы вот так, походя, угрожать бывалому охотнику на нежить? Не слишком ли много берет на себя лесная отшельница? Ишь вещунья какая выискалась. Да, она приручила оборотней, достижение немалое, если не сказать неслыханное, но это вовсе не повод угрожать боевому ведьмаку.

– А если я не склонен принимать советы и предпочитаю жить своим умом? – на всякий случай уточнил Алишер.

– Что ж. Воля твоя, – ничуть не расстроилась Светлолика: мол, взрослый мальчик, имеет полное право набивать шишки самостоятельно. – Я предупредила, а там уж как сам знаешь.

– Я не уйду без своей команды... и лошадей, – уточнил ведьмак, но ведьмы на поляне уже не было.

– Ушла, – ехидно сообщил Валсидал недоуменно озирающемуся вокруг Алишеру. – Так что условия ставить уже некому, да и, пожалуй, ни к чему. Кстати, раз уж ты все равно помирать собрался, может, пожертвуешь голодному вампиру немного своей крови? Ты все равно не жилец, а у меня шансы вполне имеются.

Алишера передернуло. Из слов нежити выходило, что у самого ведьмака шансов явно нет. Русоволосый упрямо тряхнул головой. «Рано рыть мне могилу, ой рано... Я еще тебя, нежить, переживу и за кадык в тюрьму отконвоирую», – мрачно подумал он.

– Ну так приди и возьми, – многозначительно предложил мужчина, тихонько извлекая серебряную звезду из потайного кармана в рукаве.

Пусть на вампиров давно не охотились и не совсем понятно, как это следует делать, но обычное оружие все равно может навредить нежити, даже если не убьет. Шансы примерно пятьдесят на пятьдесят. «Не так уж и плохо», – устало вздохнул про себя ведьмак.

Вампир понял приглашение правильно и сделал неутешительный вывод, что к ужину таким тоном не зовут, да и звезды серебряные просто так пальцами не ощупывают и в руках тихонько не стискивают. Потому спускаться с облюбленных ветвей не стал.

– Ну и сиди здесь как сыч. Эгоист несчастный, – обиженно фыркнул Валсидал и покинул поляну, ловко перепрыгивая с ветки на ветку.

– Чисто обезьян, – презрительно фыркнул ведьмак вслед нежити, но тут же спохватился: – Однако я вновь остался один. Недальновидно было отпускать всех разом.

Но раскаяние слишком запоздало. Исправлять содеянное было так же бесполезно, как горько рыдать над пролитым молоком. Впрочем, отчаиваться тоже было рановато. Алишер прекрасно помнил, в какую сторону удалилась ведьма в компании клыкастых зверей, благоразумно выждал некоторое время, чтобы не столкнуться ненароком с мохнатыми компаньонами, и отправился следом. В конце концов, за его плечами не одна удачная охота на нежить, и читать чьи-то следы днем для него легче легкого.

Но он ошибался. Сделав три круга, Алишер в третий раз вышел к тому же самому дубу на той же самой поляне и затосковал. Без колдовства здесь явно не обошлось. Но кто приложил к его блужданиям свою зловредную руку? Леший или ведьма? Так ли это важно именно сейчас? Срочно требовалась идея, но, к сожалению, мыслей, как выбраться из Безымянного леса, не было. Впрочем, как выжить в этом проклятом, забытом Всевышним месте, тоже непонятно. Наверное, поэтому здесь так вольготно чувствует себя нежить, а у простых людей нет никаких шансов.

Светлолика покинула поляну в состоянии, близком к ярости. С ее точки зрения, ведьмак вел себя странно. Чем именно вызвана такая бурная реакция на предложение помощи, она не знала. Правда, само предложение ведьма толком озвучить не успела, но ведь собиралась, а это уже считается. Зачем же нужно было хватать руками, грубить, валять по земле? Но тем не менее Светлолика вовсе не желала гибели ведьмаку, спасшему когда-то ее мать, а значит, и ее саму. Не останься Льесса жива, не родилась бы и Светлолика. В том, что ведьмаку не выжить в лесу без посторонней помощи, Лика не сомневалась.

«Наверное, когда становятся ведьмаками, повреждаются в уме, – решила она. – Иначе как объяснить странное поведение, да и чрезвычайную жестокость? Носятся по стране как голодные псы: ни жены, ни дома не знают. Только охота на нежить у них на уме. Всем известно: мужчина без семьи как медведь-шатун, что не в пору разбужен да из берлоги на свет белый вылез, вот и ярится почем зря. А о ком такому мужчине заботиться? К кому доброту свою проявлять? В ком его род продолжится? Вот злоба в них и копится, кипит, как в котле бурлящем, и выливается в нападение на одиноких девушек и зверскую порчу их лучшей одежды».

Душегрею, кстати, было безумно жаль. Хотя пару лет вещь считалась утерянной безвозвратно и Лика уже внутренне смирилась с ее потерей, ведь довольно долго свою стеганку не видела, а вот поди ж ты, нашлась. И за одно утро Лика снова к ней душой прикипела. Теперь досада брала, что такая хорошая вещь глупо испорчена.

Ведьмак сказал, что без товарищей лес покидать не хочет и за лошадей переживает. А человек, который любит животных, не совсем пропащий, будь он хоть трижды ведьмак. Это Светлолика точно знала. Значит, что-то хорошее в

нем имеется, раз зверей любит.

Вяз Дубрович – леший Безымянного леса – спокойно сидел себе дома и завтракал. Вставал лесной хозяин рано, едва небо раскрашивали первые утренние зарницы, потому завтрак был не только поздний, но и второй по счету. К тому же этой ночью леший творил свою волшбу, запирая лес от чужаков. Ну... и самих чужаков по лесу поводил изрядно, так что и их утомил, да и сам притомился малость.

Расторопная кикимора, проживавшая с лешим на правах подруги, споро накрывала на стол, своевременно подливала горячий чай, настойный на местном разнотравье, следила, чтобы самовар не остыл. Травки для чая кикимора собирала все лето, заботливо сушила в тени, чтобы сохранить вкус и полезные свойства, смешивала в разных пропорциях, чтобы потом баловать благоверного разнообразием вкусов любимого напитка долгими зимними вечерами, щедро сдабривая питье лесным медом.

Сам Вяз Дубрович восседал во главе стола, накрытого плотной льняной скатертью с вышитыми сноровистыми руками кикиморы замысловатыми растительными узорами по краю. Кикимора хоть и болотного роду-племени, но хозяйкой была справной: умела и шить, и вышивать, и пряхсть, и ткать, а уж готовила так, что пальчики оближешь да язык проглотишь. Поэтому леший довольно наблюдал за тем, как на столе появляются все новые вкусности, аппетитно исходящие паром, и, предчувствуя сытную трапезу, едва удерживался, чтобы не облизываться.

Светлолика вежливо постучала, как и положено госте, к тому же незваной и неожиданной. Дверью в жилище лешего служила кора дуба. Скрепленные между собой плетями вечнозеленого плюща пластины легко сдвигались в сторону, открывая просвет между могучими корнями дерева. Материал замечательный, но, с точки зрения ведьмы, слишком уж хрупкий. Поэтому Светлолика благоразумно стучала по стволу, что окружал дверной проем, опасаясь разрушить что-нибудь ненароком. Лишний раз расстраивать лешего не стоило даже ведьме.

– Кого это нелегкая принесла, да еще в такую рань? – не слишком вежливо поинтересовался Вяз Дубрович, не ожидавший столь бесцеремонного вмешательства посторонних в собственную трапезу.

И его вполне можно понять. Леший проживал в чаще леса, и дорогу к его дому знал не каждый, а напороться случайно могли лишь особо везучие, из тех, кому путешествие по коварной топи местного болота равнозначно легкой прогулке солнечным днем по цветущему лугу. Конечно, помимо болота существовали еще ловушки, но их упоминать не стоит. Слишком долго получится.

– И вам здоровым быть, Вяз Дубрович, – ничуть не смутилась подобным приветствием Светлолика.

Чтобы вывести из себя лесную ведьму, нужно что-то посерьезнее грозного вопля через дверь. Хотя Светлолика вполне могла выйти из себя без всякого повода. На то она и ведьма, чтобы иметь скверный характер.

Узрев девушку, невозмутимо шагнувшую в его жилище, леший поперхнулся чаем. Ее визита он точно не ожидал. Суетливая кикимора уронила любимую чашку на пол и даже не заметила.

«Вот девки наглые пошли! К чужим мужьям прямо на дом являются. Нет бы собственных завести, все на чужой каравай рот разевают да зубы точат», – подумала подруга лешего, но вслух свои соображения по поводу появления нежданной гостьи высказывать не спешила.

Она была ревнива, и частые отлучки лешего к незамужней девице под предлогом попить чайку казались ей подозрительными. Однако ссориться с ведьмой или закатывать истерику с битьем посуды благоверному кикимора считала делом глупым, если не пропащим. Неизвестно, чью сторону примет Вяз Дубрович, может статься, вытолкает ревнивицу вназад, наплевав на ее кулинарные таланты. Оно и понятно, других желающих поселиться в доме лешего хоть пруд пруди. Жених он в Безымянном лесу видный, а удаче самой кикиморы откровенно завидуют многие из тех, кто пока не просватан. Ссориться с ведьмой тоже недальновидно. Светлолика молода, но даже при этом жизнь испортить вполне способна. Вон каких зубастых зверюг приручила: натравит таких – мало не покажется. Здесь нужна некая хитрость. В голове кикиморы стал зарождаться план из тех, что позволяют и волков накормить, и овец сохранить в целости.

– Прости, Светлолика. Не ждал я тебя, – извинился Вяз Дубрович, пытаясь скрыть собственное смущение за кашлем. – А ждал бы, подготовился получше. Хозяйка

моя пирогов с грибами напекла бы. Мухоморы у нее особенно удаются. И солит, и жарит отменно, а уж в начинке такие получаются, что пальчики оближешь, если руки перед едой мыла, конечно.

Кикимора польщенно потупилась. Видно, ласковое слово не только кошкам приятно, но и сердце кикиморы смягчить сумеет. Справедливости ради нужно отметить, что мухоморы у хозяйки действительно получались отменные в любом виде. Знала она особый вид, казалось бы, ядовитых грибов и рецепт семейный берегла. Ни того ни другого постороннему уху не доверяла. Сама Светлолика тоже умела мухоморы готовить, причем делала это на порядок лучше, но не сообщать же лешему об этом своей кикиморе. Оставалось только уповать на то, что ведьма поймет высказывание хозяина дома верно и не станет сама своими талантами хвастать.

– Садись за стол с нами, трапезничать будем, – щедро махнул рукой леший, да так, что от широты его жеста чуть посуда на пол не посыпалась. – Отведай, что Всевышний послал. Заодно расскажешь, с чем пожаловать изволила.

Светлолика замялась. С одной стороны, отказывать, когда хозяева любезно предлагают преломить с ними хлеб, невежливо, с другой – дома ждет расхворавшийся не на шутку жрец и время дорого.

Расторопная кикимора быстро поставила на стол еще один прибор, заботливо пододвинула стул, когда Лика наконец решилась сесть.

– Простите, Вяз Дубрович, но я начну сразу с дела, – вздохнула ведьма. – Мне грибы и правда нужны, но из тех, что вы особо выращиваете и не каждому рвать позволяете.

– Зачем же они тебе понадобились? – удивленно осведомился леший и, помня о долге хозяина перед дорогой гостьей, пододвинул к ней блюдо с блинами, начиненными вареньем из лесной ягоды. – Уж не захворала ли, часом? Так чего в таком разе сама явилась? Могла бы кота или домового за снабдьем отрядить, а сама дома в тепле отлежалась бы.

Конечно, Вяз Дубрович отлично знал, что лесная отшельница лечит жителей нескольких окрестных сел, но он так же отчетливо помнил, что сам закрывал лес от посторонних. Его волшбу не так-то просто переплюнуть. Это вам не кабан

икнул. Значит, чужаков в лесу быть не должно, кроме тройки ведьмаков, которых леший откровенно прошляпил, к вящей своей досаде. Ну и еще прислужница жреца Марыська просочилась, но то девка бойкая, в лесу не раз бывавшая – выбралась уже небось давно и дома отсыпается. В свое оправдание Вяз мог сказать, что ведьмаки и некоторые женщины – такие неумные существа, которые без мыла везде пролезут да нос свой любопытный сунут, если зададутся такой целью. А ведьмаки так вообще создания мерзкие, противные природе и Всевышнему. Не станет же ведьма заботиться о здоровье подобных тварей?

– Нет, – покачала головой Лика. – Это Гонорий заболел.

– Жрец? – на всякий случай уточнил Вяз Дубрович, будто окрест Безымянного леса проживал не один носитель подобного имени.

– Жрец, – согласилась Светлолика.

Жреца Вяз Дубровича уважал и против него не имел ничего плохого, хотя долго к служителю Всевышнего присматривался. Гонорий обладал нравом скромным, вел себя к лесу уважительно, зверье не обижал, если зверье не обижало его самого, да и в том случае предпочитал спокойно отсидеться на дереве, если это было возможно, брал ягоды и грибы без жадности, только необходимое, да и к ведьме хорошо относился. Анафеме, как строгий жрец Гнилушек, ее не предавал и ничего не имел против того, что сельчане бегали к Лике за помощью для себя или скота, звали огороды да поля заговаривать на хороший урожай, ну и от вездесущего хрена, конечно. Куда без этого? По всему выходило, что Гонорий – человек, в Хренодерках нужный. Коли помрет ненароком, так, не ровен час, другого пришлют. А будет ли другой служитель Всевышнего столь же терпимым – неизвестно.

– Ну-у-у, для жреца не жалко, – кивнул леший. – Наберем сколько надо, можешь быть спокойна.

Светлолика в положительном ответе и не сомневалась, иначе не стала бы зря ноги бить, когда время дорого. Чем бесполезные прогулки по лесу совершать, предпочла бы поискать решение в записях, оставленных матерью. Глядишь, что-то стоящее, к больному Гонорию применимое, обнаружится. А нет, так хоть совесть чистой останется – до последнего искала, надежды не теряла.

– Я вот еще о чем спросить хотела, Вяз Дубрович... – осторожно начала она не совсем приятный разговор.

Леший удивленно вздернул вверх зеленую кустистую бровь:

– Что? Еще захворал кто-то?

– В некотором роде, – неопределенно ответила Светлолика, так как абсолютно здоровым ведьмака не считала, а его коллег вообще в глаза не видела. – Вяз Дубрович, если мне не изменяет память, вы собирались лес от чужаков закрыть, а вместо этого ведьмаков в Безымянный не только допустили, но и самолично прогулку им устроили, ознакомительного свойства, не иначе. Да такую активную, что пара из них неизвестно куда задевалась, а один в полном изнеможении дуб старый на поляне подпирает и на прохожих девиц кидается. Нервное это у него, наверное.

Леший смущенно закашлялся. Кикимора чуть тарелку не выронила. Мало того что человеческая пигалица явилась в гости незваной, так еще наглость имеет хозяина леса критиковать. Если бы Вяз Дубрович был подогадливее и отлучился бы из-за стола куда-нибудь на минуточку под благовидным предлогом, например, грибочков требуемых нарвать... Уж она бы взяла скалку в руки да пояснила наглой выскочке, как чужих мужиков поучать. Сначала своего пускай заведет да его учит жизни, которой сама, к слову, еще толком и понюхать не успела, по малолетству своему. Уж кикимора не посмотрела б, что наглая девчонка ведьмою числится, всю спесь мигом повыбила бы, научила б ум-разуму. А то все вокруг с ней только носятся, как с писаной торбой. Было бы из-за чего. Только и достоинств в своенравной девице – волос блондинистый да личико смазливое.

Но Вяз из дома не только не вышел, даже на стуле не приподнялся, чем расстроил кикимору. Объяснение с ведьмой откладывалось до лучших времен, вероятно.

– Так ведь ведьмаки, – скрипуче пожал плечами леший. – Чай не за цветами в лес пожаловали, да и для ягод с грибами еще не сезон. Они же охотиться приехали. Вот и пускай себе охотятся... на здоровье. Нам-то что за дело?

Светлолика вздохнула. Действительно, что ей за дело до пришлых ведьмаков? Слышала ведь – те, по чью душу явился хоть один из подобной братии, редко имели шанс продолжить долгую и счастливую жизнь. Впрочем, и сами ведьмаки чаще всего до солидных лет не доживали. Издержки профессии. Недаром говорят: если долго заглядывать в бездну, рано или поздно бездна посмотрит на тебя в ответ.

Может быть, ведьмаки заслужили подобное к себе отношение, только где-то в глубине души Лика ощущала некую неправильность происходящего.

– Ведьмаков нужно вывести, – тихо сказала она.

Очень тихо, но ее слова прозвучали весомо.

– С чего это? – недоверчиво фыркнул леший. – Милосердие чуждо таким, как они. Они убивают без жалости всех, кого считают монстрами, не замечая, что и сами мало чем отличаются от монстров, за которыми охотятся. Будь их воля, они весь Безымянный под корень бы извели. Слава Всевышнему, это не в их силах. Слишком велик лес.

– Согласна. Троим совершить такое не по плечу. Но сколько их собратьев явится в Хренодерки, коли эти не вернуться? – спросила Светлолика, заставив лешего поперхнуться от неожиданности.

О такой напасти он и не задумывался. А ведь если пораскинуть мозгами немного, становилось понятно, что тройка ведьмаков явилась в лес не сама по себе, ради красот местных да нечисти. И тот, кто их послал, наверняка найдет еще таких же, желающих подзаработать, и снарядит их в поход. Так что ж теперь, убивать всех, кто изволит заявиться в лес?

– Хорошо. Я подумаю, – скрепя сердце, согласился он и кикимора все-таки разбила блюдце от неожиданности.

– На счастье, – миролюбиво прокомментировала бой посуды ведьма.

«Руки не из того места, – мрачно констатировал Вяз про себя. – Вот же криворукая баба попалась! Никакой посуды на нее не напасешься, а плошки да

блюдца в лесу не растут. За ними к людям обращаться надобно».

«Убила бы», – подумала кикимора, злобно сгребая осколки.

– Может, тогда и колдунов выгнать заодно? – ни к кому особо не обращаясь, размышлял леший вслух.

И чем больше обдумывал Вяз эту идею, тем больше она ему нравилась. Раньше в Безымянный лес колдунов было не заманить никакой, даже самой вкусной коврижкой, а тут на тебе – понаехали, не протолкнуться. Костры жгут почем зря. Того и гляди загорится лес, с легкой руки гостей незваных. Вампира они, видите ли, изловить решили, а силков на него что-то не видно, и ловушек тоже не ладят. Другие, кто посмекалистее, давно откопали бы где-нибудь клыки, что смогут сойти за вампирские (желательно не только на ощупь в темноте под одеялом), и вернулись бы, победоносно выпячивая грудь и трубя на весь свет о своем подвиге. Говорят, за вампирские клыки и упырины сойдут. Если не тащить с собой весь экземпляр живьем, особой разницы нет. Но какое там! Колдуны нагло наплевали на собственный комфорт, трехразовое полноценное питание и прочие удобства цивилизации, променяв их на прописку в лесу, где нежить можно встретить если не под каждым кустом, то уж под одним из десяти – точно. Мало того. Сначала колдун был один. Затем появился полуэльф. А там и нескладный ученик мага нарисовался. Потом местный парнишка Сарат приволок еще одного, только полудохлого, но все же мага, и ловко пристроил к ведьме на лечение. Видимо, колдуны как тараканы –пустишь одного, другие набегут следом, и не выведешь их, пакостников. Еще и ведьмаки подтянулись. До кучи.

– Может, и выгнать, – не стала возражать Светлолика.

Ей-то как раз от присутствия в лесу посторонних было ни тепло ни холодно.

Вяз Дубрович призадумался. Насчет ведьмаков девица была права. Там, где появилось трое, вполне могут нарисоваться другие, в еще большем количестве. Выставить их из леса – и все дела. Но проще сказать, чем сделать. Во-первых, леший славно выгулял тройку в чаще и на этом успокоился. Пусть скажут спасибо, что в трясину не завел или еще куда-нибудь, где мертвый лес стоит, такой древний, что кажется каменным, да нежить плодится. Нехорошие это места, злые. Сам Вяз и тот предпочитал стороной обходить. Да и что делать

лешему там, где сухие стволы давно погибших лесных великанов с жутким скрипом качаются на ветру, а ветви поваленных деревьев переплетаются с теми, что еще возвышаются над землей? Они погибли еще до его рождения и, казалось, застыли во времени: ни птица гнезда не сохнет, ни трава не растет. Только вездесущий мох процветает, и тот странный какой-то, зловещий, что ли.

В общем, леший понятия не имел, где искать ведьмаков. Одного, конечно, Светлолика видела. А остальных куда лесные духи занесли? Может, к шишигам, мухоморницам али к русалкам в полон угодили. А эта братия, коль до мужчин доберется, ни за что назад не выпустит. Уж такая это порода, до мужиков зело охочая.

Во-вторых, даже если удастся обнаружить всех ведьмаков живыми и в относительном здравии, то как их из лесу выводить прикажете? За лешим точно не пойдут. Они уже всю ночь с ним в поход играли, вдругорядь поостерегутся. Ведьме с их стороны тоже доверия нет. Если только колдунов как-нибудь исхитрится подрядить, да и вышибить всю толпу вон, так сказать, оптом. Было о чем призадуматься за чашкой-другой чая.

– Сделаю все, что могу, – наконец изрек он. – Но ничего заранее не обещаю. Кто знает, куда этих пришлых нелегкая занесла за то время, пока я за ними не следил. В конце концов, разве я нянька ведьмакам?

«Нет. Ты нянчишься исключительно с ведьмой», – горько усмехнулась кикимора про себя, пользуясь тем, что в этот момент стояла спиной к присутствующим и выражение ее остренького, как мордочка лисички, лица никто не видел. Когда же она обернулась, то постаралась соорудить самую жизнерадостную мину.

– Ты просто обязана взять с собой мои блинчики. Сегодня они особенно удались, – защебетала кикимора с радушным видом.

Светлолика улыбнулась. О кулинарных талантах хозяйки лешего она прекрасно знала, поэтому не стала возражать, когда в корзинку перековывала хорошо упакованная снедь. Пусть дома теперь суетится хозяйственный домовый, готовый поставить на стол несколько видов блюд в любое время суток, стоит лишь пожелать, но старые привычки так просто не меняются.

Вяз Дубрович поворчал немного на медлительность женщин, которым дай только волю – полдня будут суетиться зря да рецепты всякие обсуждать. Но делал он это, скорее, просто для проформы, чем всерьез рассчитывая подхлестнуть ретивость дам. Впрочем, Лика сама не была настроена испытывать гостеприимство лешего слишком долго. Ей нужно бежать к хворому жрецу, как можно скорее приготовить лекарство. То, что леший обещал сделать все возможное для выдворения ведьмаков за границы леса, вполне ее устраивало. Вяз не имел дурной привычки бросать слова на ветер, справедливо полагая: коль в собственных словах не уверен, лучше лишний раз промолчать, чем потом неловко краснеть из-за сказанного. Всем известно – словно не воробей.

Но вот, наконец, гостинцы собраны, вежливые слова сказаны, даже грибы, необходимые для лекарства, нежно упакованы разве что не поштучно и уложены в корзину со всеми предосторожностями. Кикимора лично сбегала на заветную поляну, где дивные грибы произрастали круглый год, и нарвала нужное количество. Лишь бы ведьма не слишком долго оставалась наедине с благоверным.

Глава 3

Светлолика покинула жилище лешего в приподнятом настроении, с корзиной, наполненной гостинцами и драгоценным лекарством до самого края так, что чуть на землю не сыпалось, а ручка грозила в любой момент оборваться. Догадливый Лютый, терпеливо ожидавший ведьму у порога (от нее только отойди на шаг, сразу в неприятности вляпается, да не одной ногой, а двумя и со всего маху), услужливо подставил серую спину, чтобы и ношу облегчить, и не растерять по дороге чего-нибудь ненароком. Лика улыбнулась зверю, похвалила, ласково потрепала за рваное ухо, водрузила корзину на мохнатую спину. Оставалось только поддерживать слегка, чтобы добро не упало да набок не съехало.

Самая короткая дорога к дому пролегла мимо поляны с дубом, под которым расположился ведьмак. Впрочем, если ведьмак не полный идиот, давно уже оставил поляну и лес за спиной. А если нет? Если он действительно уперся, как баран, в свою идею найти друзей и лошадей? Тогда мимо идти явно не стоило. Мало ли что пришлый мужик за это время надумать успел. Ведьмаков разве

поймешь? Кто знает, чему их в ведьмачьих учебных заведениях учат. А Лютый – натура чувствительная, сильно нервничает, когда посторонние хозяйку руками хватать изволят. Может не удержаться и отгрызть этому самому постороннему что-нибудь из активно хватательного.

Девушка тяжело вздохнула. Придется сделать крюк, и немалый.

– Дожила. В родном лесу шагу ни ступить, чтобы не наткнуться на какого-нибудь пришлого, – посетовала она, и вервольфицы поддержали свою хозяйку, усевшись на землю и вывалив розовые языки из зубастых пастей. – И это – Безымянный лес. Страшно подумать, сколько народу шляется по обычному. Интересно, а где в таком лесу зверье живет, если от людей не протолкнуться? – полюбопытствовала она.

Но ответа не дождалась. Обратни только слушать хорошо умели, а разговаривать не могли. Слишком давно утратили человеческий облик, чтобы помнить, как это делается. Поэтому ведьма в очередной раз вздохнула и отправилась в путь, справедливо рассудив, что до дома все равно идти надо, а приготовление лекарства для жреца времени потребует. Крюк сделать можно, но ноги при этом стоит переставлять быстрее.

Леший принял слова Светлолики насчет ведьмаков близко к сердцу, поэтому покинул свой дом сразу после ухода ведьмы, почти не прикоснувшись к обильному завтраку, чем расстроил кикимору до крайности.

– Готовишь-готовишь целый день, стараешься, а твои старания может оценить только ведьма, которую к тому же никто не звал! – возмущенно воскликнула она, когда Вяз шагнул за порог. – Зря только в блины ей не плюнула!

Впрочем, кикимора тоже дома сильно засиживаться не стала. Что толку у окошка устраиваться? Сколько ни таращи усердно глаза, ничего, кроме пустившейся в рост зелени, не углядишь. Ну, может, еще белка какая проскачет мимо или ежик пробежит по своим ежиным делам. Интересного мало – любоваться на однообразный пейзаж, когда в лесу, словно волчица в зимнюю пору волчьей любви, рыщет молодая одинокая ведьма и чужих мужиков заданиями озадачивает. Да и Вяз хорош. Стоило Светлолике лишь слово молвить, так сразу молодым лосем помчался исполнять, на года свои

преклонные наплевав. Небось, если бы она, кикимора, вздумала просить лешего о чем-то подобном, так Вяз хмыкнул бы в зеленые усы, почесал в затылке да и выполнил бы аккуратно после дождика в четверг или вообще сослался на усталость, помноженную на чрезмерную занятость. Мол, не видишь, женщина, о великом думу думаю, о большом заботу имею, а ты все мелочами своими голову норовишь забить.

Кикимора повздыхала немного, покручинилась, но совсем впадать в уныние не стала. Хорошо помнила сказку о двух лягушках, угодивших в молоко. Пока одна тихо сложила лапки, предпочтя быструю смерть беспомощному барахтанью, другая отчаянно дергалась, взбила из молока кусочек масла, оттолкнулась от него и выпрыгнула наружу. Эту сказку часто рассказывала маленькой кикиморе ее матушка, терпеливо поясняя дочери, что в любой, даже, казалось бы, безвыходной ситуации не стоит трусливо впадать в отчаяние, а, наоборот, следует бороться до конца. Судьба любит смелых и тому, кто решителен и по пустякам не унывает, покровительство оказывает.

Памятуя завет матушки, кикимора мысленно поблагодарила мудрую родительницу, что не только на свет произвела, но и учить чадо уму-разуму не забывала. Затем быстренько убрала со стола, крошки со скатерти вытряхнула за порог. Привыкшие к подобному ритуалу птицы веселой галдящей стайкой налетели с ближайших деревьев, принялись клевать, шумно ссорясь из-за особо лакомых кусочков. Вопреки обыкновению, кикимора не стала пытаться призвать рвущихся затеять драку птичек к порядку. Пусть сами разбираются. У нее есть дела и поважнее.

Кикимора прилежно и тщательно вычесала зеленую траву, служившую ковром в жилище лешего, специальными деревянными граблями, сделанными нарочно для того, чтобы не помять нежные ростки, а лишь убрать запутавшийся в них мусор и высохшие, отмершие стебли. Полила ковер теплой водой. А когда домашние дела были сделаны, накинула на плечи зеленый теплый платок из пушистого мха и отправилась в лес. Была у кикиморы одна замечательная мысль о том, как ведьму пристроить, от чужих мужей отвадив, но при этом не обозлить девицу. Всем известно: злить ведьму – дурная примета.

Магистр Вешил неустанно рыскал по чаще Безымянного леса, словно одинокий оголодавший волк, жаждущий поживы. В темно-русых волосах запутались мелкие веточки, штаны от прорех и вездесущих приставучих репьев спасало

лишь то, что порты были кожаные, крепкие, хорошей выделки. Добротной гномьей работы сапоги с подковами на каблуках оказались немного тяжеловаты для этих мест, но зато успешно сдерживали натиск здешней флоры и фауны. В Безымянном лесу проживало немало ядовитых представителей того и другого, мечтавших вцепиться в щиколотку мага, но проще было найти более легкую добычу, чем обламывать зубы об эту. С крупными хищниками магистр благополучно расходился разными лесными тропами. Видимо, Всевышний, несмотря на свою занятость и вопреки заверениям жрецов в богопротивности самого существования колдунов, обратил свой благосклонный взор на Вешила, оберегая от нежелательных встреч. Иначе как можно объяснить его потрясающую везучесть?

Сам маг неумышленно передвигал ноги, спотыкался о выступающие корни деревьев, с ловкостью скользил по влажным склонам местных оврагов, смело ломился даже сквозь самые колючие кусты вовсе не из-за неистребимой тоски собственного филея по приключениям и не ради обретения хорошей физической формы благодаря длительным прогулкам по пересеченной местности. Вешил прибыл в Безымянный лес с его опасными и малоизученными жителями не из праздного интереса. Он желал написать научную работу о местных обитателях, да так, чтобы труд не оказался последним, что маг сделал в этой жизни. Магистра вовсе не смущало ехидное утешение со стороны злопыхателей: мол, награда, выданная посмертно, – тоже награда и вполне почетная штука. Правда, находились и те, кто искренне полагал, будто Вешил все-таки вернется (ну, или хотя бы большая его часть). Свой оптимизм они мотивировали народной мудростью: «Дуракам всегда везет». Действительно, кто в здравом уме и твердой памяти отправится в Безымянный лес, пусть даже на кону – звание архимага? Правильно – только не совсем адекватный человек. Этот лес издавна слыл рассадником нечисти и нежити, маги оттуда не возвращались. Все сходились в едином мнении, что лично сами лучше пересидели бы столетие-другое в звании магистра магии, чем получать следующий ранг посмертно. В итоге возник стихийный тотализатор, в котором даже приняли участие некоторые из членов совета магов (разумеется, ставки были сделаны инкогнито). Если бы Вешил узнал, сколько барыша может принести его возвращение, то занял бы денег и поставил на себя звонкое золото, а вернувшись, вполне смог рассчитывать возвести башню с просторной лабораторией на заработанные деньги. В случае же летального исхода деньги кредиторам можно не отдавать. С мертвецов какой спрос? Правильно. Никакого. Если, конечно, не пригласить ушлого некроманта, для которого ничья смерть не является препятствием. Но некромант в Безымянный лес ни за какое золото не поедет.

Итак, Вешил проводил время в поисках предмета своего потрясающего исследования, которое должно стать не только очередной ступенью в карьере, но и увековечить имя смелого мага в анналах истории. Возможно, его труд станет серией лекций в родной академии. Здесь главное – удачно выбрать объект изучения, а объектов было много, и от этого изобилия глаза мага разбегались и слегка косили. Разбегались и будущие «предметы исследования», совершенно не понимая свою ценность для науки. Сначала, правда, норовили попробовать мага на вкус, находили кожу его сапог жесткой, сплевывали и отправлялись на поиски более удобной жертвы, к вящей досаде исследователя.

– Ну и как прикажете науку двигать, если вокруг все такие несознательные?! – вопрошал он то ли деревья, то ли траву, то ли безоблачные небеса.

Незаметной тенью в кронах деревьев мягко скользил вампир. Потеря веса от постоянного недокорма играла ему только на руку. Если не брать в расчет тот факт, что Валсидалу никак не удавалось решить проблему с собственным кормлением и в его худосочном, похожем на скелет теле уже начиналась подготовка к долговременной спячке, он неплохо приспособился к обитанию в новой среде. Сейчас Валсидал, стараясь ничем не выдать собственного присутствия, ронял голодную слюну и нервно облизывал пересохшие губы. Теперь он даже отдаленно не напоминал того утонченного, породистого аристократа, в чьем распоряжении когда-то был целый штат прислуги и замок. Пребывание в особой тюрьме Сартакль наложило на него свой отпечаток, как физический, так и психический.

– Моя прелесть, – тихо мурлыкал он сам себе под заострившийся нос, даже не замечая этого: привычка, свойственная существам, долго живущим в одиночестве, – может, сегодня нам удастся покушать... Вон какой внизу бродит вкусный, сочный маг... Сколько в нем крови... с магией... мм... магия, моя прелесть... это лучшая приправа к блюду... Кушать подано-с.

И все же вампир медлил с нападением. Пусть будущая жертва выглядела соблазнительно медлительней большинства местных обитателей и на его стороне – эффект неожиданности, но боевой маг – он и в лесу маг, а с координацией сейчас и у самого вампира не очень. Вот и крался он тихонечко, скрывая тщедушное тело в молодой весенней листве и мечтая улучшить удачный момент для нападения. Момент все как-то не наступал. Судьба в очередной раз испытывала его терпение. Но даже один-единственный глоток крови мага стоил

долгих, томительных часов ожидания. И Валсидал ждал.

Вешил резко остановился. Он заметил необычный гриб, который до этого видел только на картинках в учебниках.

– Вот это удача! – обрадовался он, наклоняясь к выпуклой ярко-красной шляпке гриба с удивительно правильной формы черными горошинами, некоторые из которых откровенно таращились на исследователя. – Ложный мухомор! Ути, мой маленький, иди ко мне, хорошенький, – нежно заворковал он.

Откуда-то из глубины шляпки гриба вынырнул крупный глаз на длинной ножке и с подозрением воззрился на мужчину.

– Ой, какой у нас глазик! – еще больше умилился маг и попытался прикоснуться к недоуменно моргающему глазу указательным пальцем. – Какой интересный попался экземпляр. А в книжке об этом ничего не сказано. Надо срочно устранить этот пробел!

Ложный мухомор эмоционального порыва Вешила не оценил, выпростал из-под земли худенькие, почти прозрачные ножки-корешки, тоненько взвизгнул и помчался прочь, высоко подбрасывая острые коленки.

– Куда?! – немного растерялся от такой реакции маг. – А как же наука? Она нам этого не простит!

Валсидал как раз гибко свесился с толстой ветки, стараясь не закапать будущую жертву своих острых клыков голодной слюной, когда маг резко, без всякого предупреждения выпрямился, метко съездил разлакомившемуся кровососу затылком в челюсть и резво ринулся куда-то вглубь леса за ловко удирающим грибом.

– М-да... маги нынче дикие какие-то пошли, – простонал вампир, почесывая ноющую от залихватского удара челюсть и болезненно морщась. – Чуть все зубы не повыбивал, мерзавец. Ни стыда ни совести у человека. Не хочешь кровь давать – не надо, зачем же сразу в зубы?

Но стыдить было уже некого. Вешил стремительно удалялся, распугивая местных обитателей мощными подошвами подкованных сапог. Нежить, конечно, воздержалась от миграции, просто затаилась по норам от греха подальше, здраво рассудив, что, если по каждому поводу покидать насиженные места, все лапы собьешь по самые уши в поисках нового жилища, а в Безымянном лесу от обилия нор ступить некуда будет.

Нагло проигнорированный вампир почувствовал себя уязвленным до глубины темной души и глубоко вздохнул тощей впалой грудью так, что ребра заходили под пергаментно тонкой кожей. Он чуть было не плюнул вслед бодро улепетывающей добыче, но в его вампирских ноздрях все еще стоял манящий, теплый запах крови мага. Этот вкусный аромат волновал Валсидала сильнее, чем страстные объятия жгучей красотки, горячил и кружил голову, словно самые изысканные, выдержанные вина королевских погребов, а пульс стучал в ушах, будто сладкая музыка. Неспособный сопротивляться подобному искушению, вампир хищно потянулся, жадно втянул породистыми ноздрями воздух, облизал сухие губы длинным шершавым языком и направился следом по макушкам деревьев, заботясь, однако, о том, чтобы не особенно шуметь при передвижении.

Впрочем, его предосторожности были излишни, так как увлекшийся погоней за предполагаемым предметом своего исследования Вешил совершенно не замечал ничего вокруг. Он нагло оттоптал лапы разлакомившемуся было злыдню, нацелившемуся на магистра, чтобы высосать всю магию без остатка. Несколько мелких представителей нежити получили нечаянные, но от того не менее болезненные удары по зубам и предпочли поспешно ретироваться с дороги, дабы сохранить свои челюсти в целости. Рабочий инструмент все-таки. Сверху спикировала какая-то кожистая, мерзкая на вид тварь, название которой еще не придумали, так как никто, кроме проживавших в Безымянном лесу и рядом с ним, не знал о ее существовании. А местные, не мудрствуя, так и звали «мерзкая кожистая тварь» – емко и всем понятно, о ком речь. Сама тварь явно метила полакомиться немногочисленным мясом на костях колдуна (ну не отъелся Вешил еще после плачевной встречи с выползнем, все силы на выздоровление уходили), но просчиталась. Кравшийся в ветвях вампир поднатужился и перехватил конкурента на подлете. На этот раз Валсидал не стал суетиться, а проявил несвойственную для него в последнее время расчетливость, понимая, что шустрюю тварь просто так не собьешь, она может заметить подозрительное шевеление в листве деревьев и изменить траекторию полета. Вампир же, к своей досаде, не имел ни крыльев, ни хвоста, а значит, совершив неудачный прыжок, ничего уже изменить не сможет. Нервно облизывающийся Валсидал

терпеливо дождался, пока кожистый хищник спустится ниже и окажется практически под веткой, которую закогтил оголодавший кровосос. Когда вампир понял, что будущая жертва точно никуда не сможет деться, слишком увлеченная собственной охотой, он совершил головокружительный прыжок на зависть любой рыси. Кожистая тварь протяжно завизжала от ужаса, когда на ее незащищенную спину рухнул некто когтистый и, не мешкая, погрузил клыки в беззащитную шею, ища источник живительной влаги. Оба кубарем полетели вниз в ближайшие кусты. Ликующий от собственной удачливости вампир понял, что охоту на живца многие сильно недооценивают.

Вешил прыжок вампира тоже не оценил. Он даже не заметил, что за его худосочной персоной ведется массовая охота. Маг сам вышел на охотничью тропу, и предмет его будущего исследования в данный момент ловко улепетывал от известности в научных магических кругах.

В этот момент откуда-то из глубины леса важной походкой хозяина, которому нечего опасаться в собственных владениях, выплыл Вяз Дубрович. Леший направил стопы свои к Ведьминому озеру для разговора с хозяином вод. Вяз справедливо полагал, что ведьма неспроста не поленилась явиться к нему в дом собственной персоной, дабы озадачить насчет вызволения ведьмаков из леса или их выдворения за пределы Безымянного, если вдруг ненароком прижиться успели и начнут упираться. «В этом случае, – думал леший, – всем миром поможем гостям незваным определиться с направлением своих шагов. А если надо, и подтолкнем родимых в спину для скорости».

Ложный мухомор уже запыхался и готов был сдаться на милость победителя, покориться судьбе, уготовившей ему нечто ужасное, но появление лесного хозяина открыло в улепетывающем грибе второе дыхание. Придерживая яркую шляпку, чтобы не слетела ненароком, он ловко проскользнул промеж ног лешего и был таков. Вешил же, не замечавший в охотничьем запале ничего вокруг, юркнул было следом, но не рассчитал и со всего маха протаранил лешего в область живота, заставив последнего охнуть от боли и сложиться пополам.

– Маг! – болезненно вскрикнул Вяз, прежде чем подцепить оглушенного внезапной встречей Вешила и запустить его в колючие кусты терновника.

– О, леший! – возрадовался маг, умудрившийся не утратить оптимизма несмотря на то, что на лбу его надувалось новое лиловое украшение в виде замечательной шишки.

– Совсем маги одичали, на лешего кидаются, как полоумные, – констатировал Вяз, с трудом разгибая спину. – Не хватало еще, чтобы застарелый ревматизм прихватил.

– А еще он кучу зверья распугал и двум из них чуть все зубы не выбил, – тут же наябедничал Валсидал, облизывая губы после не очень обильной, но все же трапезы. – Да и гриб бедненький почти до смерти загонял. А он, между прочим, магу ничего плохого не делал.

– Ах ты лиходей! – вспылал праведным гневом Вяз Дубрович. – Над маленькими издеваться?! Ужо я тебя!

Леший тяжело протопал к кустам терновника, извлек из них магистра за шкуру, как нашкодившего щенка, щедро оставляя на острых шипах клочки одежды мага. Из маленькой норки у корней тут же выскочила тройка грызунов и уволокла внезапные дары в свое жилище. Зверькам не так часто везло урвать что-нибудь на халяву, они спешили воспользоваться моментом на полную катушку. Вяз Дубрович принялся трясти магистра как рачительная хозяйка – пыльный коврик, добавив звона в его голове.

– Я всего лишь пытался изучить его, – клацая зубами при каждом встряхивании, оправдывался маг.

– Как тараканов, что ли? – сурово нахмурился леший.

– Каких тараканов? – непонимающе захлопал светло-серыми глазами мужчина.

– Обычных, чьи лапки ученые вроде тебя имеют обыкновение обрывать, а затем гордо именовать сие жестокое безобразие экспериментом.

– Я вовсе не садист! Я двигаю науку! – возмутился Вешил, тщетно пытаясь высвободиться из цепкой хватки лесного хозяина.

– Науку двигаешь, говоришь... – Зеленые как весенняя листва глаза лешего недобро прищурились. – Вот и двигай отсюда подобру-поздорову вместе со своей наукой, экспериментатор несчастный. И чтобы больше я тебя в своем лесу не видел!

С этими словами Вяз метнул совершенно деморализованного мага в сторону выхода из Безымянного леса. Разумеется, не докинул. Замах не тот, да и расстояние слишком велико. Даже у лесного хозяина есть свой предел. Но это лешего ничуть не расстроило. Главное, придать верное направление, и если маг попался понятливый, то хорошему совету последует.

Вешил болезненно рухнул на спину в очередные кусты и замер, пытаясь выровнять дыхание, попутно с помощью магии обследуя организм на предмет внутренних и внешних повреждений. По всему выходило, что магу и в этот раз несказанно повезло. Он остался цел, если не считать нескольких царапин, шишки и практически пришедшей в негодность одежды. Но это сущие пустяки, не стоящие особого беспокойства. Гардероб Вешил может обновить в Хренодерках, а царапины успешно лечатся листьями подорожника. Остается шишка. Интуиция подсказывала, что в этом захолустье шансы обнаружить магический лед, дабы приложить его к пострадавшему лбу, практически равны нулю, если не стремятся к отрицательным величинам.

«Что ж, придется нанести визит местной ведьме», – расплылся в довольной улыбке Вешил.

Лесная отшельница сильно заинтриговала его необычной магией и оригинальным подбором ритуала для исцеления его скромной персоны. Он тогда здорово пострадал от встречи с огромным Плаксикусом придорожнусом. Зловредная ящерица едва не прикончила его самого и лишила жизни его свежеподкованную лошадь, а также оставила без всех вещей и оружия. То, что монстр поплатился за содеянное собственной жизнью, ничуть не смягчало горечь потери.

– Прежде чем решаться на крайние меры, – вкрадчиво прошептал вампир, свешиваясь с ветки к самому уху мага, – извольте взглянуть на замечательную штуку-дряку, что я любезно припас для вас как для бесстрашного исследователя. Может, мы договоримся?

– Штука-дряка... – потрясенно выдохнул Вешил, обнаружив практически перед самым носом мерно раскачивающуюся кожистую тварь, которую предприимчивый Валсидал удерживал за хвост.

Даже обескровленная, летучая нежить неизвестного вида впечатляла до нервной дрожи в пальцах. Вешил преисполнился радостным предчувствием грядущих наград за потрясающий научный труд и расплылся в улыбке. Исследовательская работа фактически была у него в кармане.

– Ну что? Будем договариваться? – тоном змея-искусителя поинтересовался вампир.

– Будем, – замороженно кивнул маг.

– Вот и славненько, – радостно потер когтистые ручки вампир, не забывая при этом удерживать летучего хищника, чтобы не упал ненароком.

А то маги – народ ушлый: схватит упавшую тушку, да и задаст стрекача. На этом светлая полоса Валсидала Алукарда может закончиться, так толком и не начавшись. Это, разумеется, не входило в планы вампира, которому только-только капризная удача если не улыбнулась во весь рот, то, по крайней мере, перестала хмуриться.

– Тогда имею честь предложить господину ученому небольшой обмен, – продолжал развивать успех Валсидал, пока маг с детской непосредственностью тыкал указательным пальцем в умерщвленную нежить.

– Небольшой? – эхом откликнулся Вешил, мысленно прикидывая, где в глухом, забытом Всевышним месте раздобыть если не ларь магического льда, чтобы сохранить дивный экспонат, то хотя бы состав для бальзамирования.

Что-то он читал о походных способах сохранения тела, но взял ли с собой необходимые ингредиенты или хотя бы книгу на эту тему, не помнил. Затем его осенила мысль, что все вещи безвозвратно потеряны из-за печальной встречи с Плаксикусом придорожнусом (в простонародье известным как Подкустовный выползень), и пригорюнился.

Уловив наполнившую взор светло-серых глаз мага тоску, Валсидал заерзал. «Вот ведь какие ученые нынче пошли. Как послушать, так жизнь на алтарь науки готовы положить. А как до дела дойдет, так подавай им экспонаты задарма, на обмен они не согласны. Как с такими жмотами науку двигать? Непонятно», – загрустил вампир.

– Отдаю почти даром, себе в убыток, – попытался состроить милое выражение лица Валсидал, но получилась зверская клыкастая морда недокормленного кровососа. «М-да. С таким лицом только прохожих по подворотням пугать да мелочь у них отбирать. Мне еще откармливаться и откармливаться», – грустно вздохнул про себя Валсидал, чувствуя, как выпирающие клыки больно царапают губы. А вслух сказал: – Я вам – потрясающий, свежайший экземпляр местной фауны. Заметьте, тварь практически уникальна и, между прочим, еще теплая. А от вас... мне нужно самую малость.

– Малость? – захолопал глазами Вешил, прикидывая, сможет ли хотя бы у коллег, так удачно застрявших в Безымянном лесу, разжиться всем необходимым для консервации твари.

Главное в разговоре с Флоднегом и полуэльфом не упоминать про сделку с вампиром. Расстроиться могут. А в том, что они с нежиться ударят по рукам, магистр не сомневался.

– Ага. – Вампир постарался подобраться к собеседнику еще ближе. – От вас, господин маг, потребуется лишь несколько глотков крови не чаще трех раз в месяц.

Валсидал замер в ожидании ответа. Крови твари хватило лишь на то, чтобы унять первый голод, но в желудке до сих пор царила пугающая, сосущая пустота, и о том, чтобы попытаться загипнотизировать мага, не могло быть и речи. Оставалось смиренно ждать приговора. Ну и постараться не капать голодной слюной на лицо собеседника. Этого никто не любит.

– А почему не чаще трех раз в месяц? – тут же заинтересовался Вешил, в котором еще яростнее разгорелся огонь исследователя.

Оно и понятно. Даже магам не часто удавалось вот так запросто пообщаться с кровососущей нежиться без риска для жизни. Обычно вампиров убивали на месте, либо вампиры сами убивали магов, если последние являли трагическую нерасторопность в усекновении. С упырями и вовсе особо не побеседуешь. Они народ не то чтобы совсем не разговорчивый, просто в большинстве своем неразумный, а весь словарный запас упыри используют преимущественно для того, чтобы заманивать особо доверчивых в ближайшую подворотню, дабы там без помех обескровить жертву.

Вампир заинтересованность мага воспринял как добрый знак и чуть не упал с дерева от радости. Лишь в последний момент невероятным усилием воли удержался от падения, опасаясь спугнуть мага слишком внезапными объятиями. Может не так понять.

– Просто значительные кровопускания отрицательно сказываются на здоровье донора, если их делать слишком часто, разумеется. А вот если подойти к этому делу с умом, то наоборот – оздоравливают организм, даже омоложению способствуют, – наставительно изрек вампир, благоразумно умолчав о еще одном последствии укуса.

Дело в том, что обескровить жертву полностью за один укус невозможно. Просто столько крови, сколько содержится в человеческом организме, желудок вампира вместить не в состоянии. Разумеется, при условии, если сама нежить питается регулярно, а не как Валсидал. Но в слюне вампира содержится особый ингредиент, позволяющий создавать упырей. Чем чаще вампир кормится от одного и того же донора, тем больше шансов у жертвы переродиться в упыря, отрастить клыки и начать охотиться на себе подобных, пытаясь утолить жгучую жажду крови. Об этом обстоятельстве мало кто знал, и Валсидал вовсе не горел желанием приоткрывать завесу тайны перед собеседником.

– Даже так? – удивленно вскинул бровь Вешил.

Забота кровососа о его (мага) здоровье несколько удивила магистра. Нежить редко заботится о своих жертвах, обычно жрет и мнения не спрашивает.

– Я могу предложить вариант получше, – доверительно сообщил Вешил, отчего вампир все-таки потерял точку опоры и упал в объятия мага, бесцеремонно опрокинув последнего на спину.

Правда, между ними оказалась плотно зажата тварь, которая неожиданно встрепенулась, издала оглушительный вопль (некую помесь между «пением» павлина и вороньим карканьем) и попыталась прокусить остатки одежды мага, но не преуспела. То ли неудачно выбрала место укуса, то ли просто не хватило сил. Вампир стукнул будущий экспонат по затылку, и тварь послушно обмякла.

– Она жива! – обрадовался маг.

– Я заметил, – невозмутимо кивнул Валсидал, белая полоса в его жизни расширялась с каждым мгновением все больше и больше. – Итак, я готов выслушать ваше предложение, милейший. И кстати, живая тварь стоит гораздо дороже. Вы слышали меня? Гор-ра-здо.

– Согласен, – азартно кивнул Вешил, даже не пытаясь избавиться от лишнего груза и подняться на ноги. – Как насчет каждодневного питания?

Валсидал едва удержался от счастливого обморока. Вот это да! О таком подарке судьбы он не смел даже мечтать. Если он станет получать достаточно пищи и вернет свою прежнюю форму, можно будет задуматься о визите в собственный замок или в то, что от него осталось. Для этого, конечно, нужно накопить достаточно сил, чтобы скрыться от вездесущих магов (расплодилось этой братии, как кошек в марте, хоть бы мор какой на них напал, что ли), ну или пробираться окраинами.

– О! – только и смог выдохнуть ошарашенный вампир. – Ты еще и друзей привлечешь?

– Лучше, – доверительно сообщил магистр, вызвав в нежити сладостную дрожь предвкушения. – Друзей ведьмы.

– В смысле? – нахмурился Валсидал, чей опыт общения с неудавшейся упырицей подсказывал, что у Светлолики друзей не то чтобы нет совсем, просто их немного, и связываться с ними – себе дороже.

– В прямом. Ее звери охотятся каждый день. Им не все ли равно, употреблять добычу с кровью или без? – сказав это, Вешил ловко вывернулся из-под вампира, рывком выдернул кожистую тварь и задал такого знатного драпака, что подковы на его сапогах слились в одно непрерывное мелькание.

– Во дает! – невольно восхитился Валсидал забегом мага. – С утяжелением да по препятствиям, а ни на одном скакуне не догонишь. Его бы в сборную записать – пусть бегаёт. Однако идея и впрямь хороша. Надо бы к ведьме сходить. Давно я ее не навещал. Как она там? Скучает, поди. Нет, ну до чего эти маги нахальные! Такую знатную тварь спер и даже не попрощался. Одно слово – хам!

Валсидал задумчиво почесал затылок опустевшей рукой. К худу или к добру, а маг подал ему замечательную идею насчет организации постоянного питания. Правда, для ее воплощения в жизнь вампиру придется договариваться с ведьмой, а если учесть то, что когда-то он сам практически обескровил ее, пытаясь превратить в упырицу, это будет тот еще разговор.

– Ладно. Попытка не пытка! – философски изрек он. – В конце концов, раньше я пользовался большим успехом у придворных дам. Правда, тогда я выглядел несколько иначе и одет был приличнее, а еще у меня свой личный парикмахер имелся... ну, и прочая прислуга, включая домашнего демона. Но замок и лесная избушка не одно и то же, а сама ведьма о светских манерах имеет смутное понятие, если не сказать, что не имеет понятия вовсе. Эта девушка точно непривычна к политесу в комплекте с расшаркиванием по дорогому паркету. Хотя в любом случае без презента тут не обойтись, – решил он и затосковал.

У бывшего владельца сокровищ и замка, наследника славного вампирского рода, чей герб повергал в малодушный трепет врагов, а всех прочих заставлял кусать локти в бессильной зависти, на данный момент из личного имущества имелись лишь потрепанные, выдавшие виды штаны. Да и те были презентованы ему из жалости, дабы он не оскорблял видом своего голого костлявого зада местных обитателей. Будто всякие там белки, суслики и ежи имеют другую одежду, кроме собственной лохматости или иголок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/andrianova_tat-yana/kak-vyvesti-ved-makov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)